

На правах рукописи

Гнюсова Ирина Федоровна

Л.Н. ТОЛСТОЙ И АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Научные консультанты:

доктор филологических наук, профессор
Айзикова Ирина Александровна
доктор филологических наук, профессор
Жилякова Эмма Михайловна

Официальные оппоненты:

Вдовин Алексей Владимирович, доктор филологических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук, Школа филологических наук, профессор

Мароши Валерий Владимирович, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет», кафедра русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, профессор

Нагина Ксения Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет», кафедра истории и типологии русской и зарубежной литературы, профессор

Проскурнин Борис Михайлович, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», кафедра мировой литературы и культуры, профессор

Защита состоится 1 июля 2025 г. в 10 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета «НИ ТГУ.5.9.01», созданного на базе филологического факультета федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 26).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: <https://dissertations.tsu.ru/PublicApplications/Details/f61aa955-e346-45a7-b3a6-0a405de7fcbb>

Автореферат разослан «__» апреля 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Баль Вера Юрьевна

Общая характеристика работы

История русской литературы немыслима без фигуры Льва Толстого – одного из наиболее самобытных и оригинальных писателей своего времени, оказавшего мощное влияние не только на всю мировую литературу, но и на культуру, философию и педагогическую мысль. При всем том самого Толстого отличала максимальная открытость к «чужому слову», осознанное стремление изучать наследие российских и зарубежных авторов. Значительное место философских и эстетических идей других писателей в творческой эволюции Толстого является основанием для постановки проблемы исследования – творческого диалога писателя с английской литературой, его предпосылок, механизмов, основных этапов и, главное, его результатов как для формирования эстетических и нравственно-философских принципов самого Толстого, так и русской литературы в целом.

Понятие творческого диалога определяется в работе с опорой на концепцию Ю.М. Лотмана: творческое сознание молодого Толстого на рубеже 1840–1850-х годов можно трактовать как семиосферу, формирование «ядра» которой происходит посредством активного усвоения и осмысления «чужой» мысли. Это активизирует творческие процессы внутри сознания будущего писателя и постепенно приводит к появлению уникальной толстовской художественной системы, впоследствии оказавшей влияние на всю русскую и мировую литературу в целом. Таким образом, методология исследования базируется на том, что диалог Толстого с английской литературой рассматривается как процесс, протекающий не между отдельными авторами, но между творческим сознанием писателя и воспринимаемой им культурной традицией. И результатом этого диалога становится не только использование и переработка Толстым определенных художественных принципов английских писателей, но и то, что его творчество постепенно оказывается «ядром» русской литературы как семиотического пространства.

Толстой был очень увлеченным читателем, о чем позволяют судить не только его дневники и письма, но и личная библиотека, которая насчитывает более 23 тысяч томов. Из этого массива особо выделяются произведения английских авторов – около 1500 книг только на английском языке. Как объект исследования они интересны уже в силу того, что английская литература и культура всегда занимала особое место в жизни писателя. Его первые дневники пестрят заметками об изучении английского языка; «Сентиментальное путешествие» Стерна подталкивает Толстого к писательству, а «Дэвид Копперфильд» Диккенса до конца жизни остается его

любимым произведением. Но главное – английская литература с ее дидактичностью, моралистическим пафосом; со вниманием к человеку и движениям его души, идущим еще из сентиментализма; с ее идеей нравственного совершенствования оказалась созвучна этическим, философским и творческим исканиям Толстого.

Проблема диалога писателя с английской литературой XIX века очень слабо исследована в толстоведении. Причина заключается в том, что в российской науке до сих пор имеет место искаженная картина истории английской литературы. Она была сформирована литературным канонem, искусственно созданным в советские годы с опорой на оценки революционно-демократической критики, а также отдельные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса. В этой парадигме Диккенс и Теккерей представляют вершину развития критического реализма в Великобритании, после чего в английской литературе усматривается процесс спада и деградации. В результате развитие художественного психологизма в творчестве Энтони Тrolлопа, аналитическое воспроизведение характера и среды в прозе Джордж Элиот и уж тем более открытия сенсационного романа были практически исключены из научных работ и учебных изданий. Окончательного преодоления «диккенсоцентризма» и «теккереецентризма» в восприятии викторианской литературы не произошло и в постсоветский период, а потому пристальное внимание Толстого к творчеству других английских писателей до сих пор оставалось не изученным.

Исправить это положение – одна из задач настоящей работы. Диккенс и Теккерей в ней сознательно исключаются из круга английских авторов, к которым проявлял интерес Толстой, поскольку вопрос о творческом диалоге с ними достаточно проработан в российской науке¹. Материалом исследования стало, прежде всего, творчество Джордж Элиот (1819–1880) – наиболее выдающейся писательницы викторианской эпохи, чей «Мидлмарч» британская исследовательница Карен Хьюитт называет «величайшим из написанных на английском языке романов»². Другим важным для Толстого английским автором является Энтони Тrolлоп (1815–1882), чье творчество – одна из вершин психологического реализма в английской литературе.

¹ Наиболее полно тема «Толстой и Диккенс» исследуется в работах: Мураткина Е.Л. Лев Толстой и Чарльз Диккенс: духовные интенции художественных открытий : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2007. 411 с.; Аствацатурова В.В. Чарльз Диккенс в творческом сознании Л.Н. Толстого : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 218 с.; Гредина И.В. Восприятие Диккенса в России. 1860–1880 гг. (на материале русской и англоязычной критики) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. 222 с.; Алексеева Г.В. Чарльз Диккенс в творчестве и жизни Льва Толстого // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2019. Т. 161. Кн. 5–6. С. 138–149. Проблема «Толстой и Теккерей» обобщена в работе: Гнусова И.Ф. Л.Н. Толстой и У.М. Теккерей: проблема жанровых поисков : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 184 с.

² Хьюитт К. Джордж Элиот и ее роман «Мидлмарч» // Вопросы литературы. 2005. № 2. С. 237.

Рассмотрен и горячий интерес Толстого к жанру сенсационного романа, который был популярен в Великобритании в 1860-е годы, – в частности, к романам Мэри Элизабет Брэддон (1835–1915) и миссис Генри Вуд (1814–1887).

При этом в диссертационном исследовании предпринимается попытка вписать диалог Толстого с английскими авторами в широкий историко-культурный и литературный контекст. С одной стороны, он необходим для прояснения роли внешних факторов в обращении писателя к английской литературе. С другой стороны, анализ творчества Толстого в соотношении с прозой Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, А.П. Чехова показывает, что его «созвучие» с английскими авторами было закономерно на фоне литературного процесса того времени.

Поставленные задачи предопределяют логику изложения материала: хронологический подход позволяет проследить последовательность обращения Толстого к творчеству английских писателей, динамику изменения его взглядов и одновременно – показать этот многогранный творческий диалог в системе. Работа разделена на две главы в соответствии с двумя важнейшими периодами в жизни и творческой деятельности писателя – периодом становления и творческой зрелости (1850–1870-е годы) и поздним периодом, который начинается с конца 1870-х годов, когда Толстой переживает духовный кризис, меняющий его жизненные и литературные приоритеты.

Актуальность исследования определяется необходимостью представить полную и корректную картину творческого диалога Л.Н. Толстого с английской литературой XIX века, включающую имена крупных викторианских писателей, ранее не привлекавших внимание из-за «усеченной» советской модели европейского литературного процесса. Важно выяснить результаты этого диалога как для русской, так и для мировой культуры. Не менее значимо выявление социокультурного и литературно-критического контекста, в котором происходило взаимодействие Толстого и современных ему русских писателей с английской традицией. Наконец, актуальность исследования связана с назревшей потребностью в использовании новых методологических подходов к изучению проблем литературного и культурного диалога, которые ранее сводились к вопросам рецепции или сравнительно-типологическим исследованиям.

Степень разработанности темы исследования. Библиография трудов о жизни и творчестве Л.Н. Толстого очень обширна, однако для настоящей работы имеют первостепенное значение несколько трудов. С одной стороны, это исследования, посвященные осмыслению творческого пути писателя, –

Б.М. Эйхенбаума, В.Б. Шкловского, А.М. Зверева и В.А. Туниманова, А.Л. Зорина. С другой – работы по эстетике Толстого и поэтике его произведений: В.Б. Шкловского, Э.Е. Зайденшнур, Л.Я. Гинзбург, Э.Г. Бабаева, С.Г. Бочарова, Р.Ф. Густафсона, Д.Т. Орвин, И. Паперно.

Среди обзорных трудов, посвященных истории английской литературы XIX века, необходимо особо отметить авторское учебное пособие Б.М. Проскурнина и Р.Ф. Яшенькиной³ (2006), в котором задан адекватный ракурс взгляда на эволюцию викторианского романа. В последние десятилетия в Великобритании и США вышло несколько коллективных монографий, посвященных викторианскому роману: отметим среди них «The Cambridge Companion to the Victorian Novel» (2001), «A Companion to the Victorian Novel» (2002), а также сборники статей по сенсационному роману: «Victorian Sensations: Essays on a Scandalous Genre» (2006) и «A Companion to Sensation Fiction» (2011).

Если говорить о степени изученности непосредственной проблематики исследования, то на сегодняшний день известны только две попытки комплексно представить диалог Толстого с английской литературой, причем обе были предприняты за рубежом. В 1995 году в Оксфорде был выпущен сборник «Tolstoi and Britain», который включал разнородные компаративные исследования разных лет, высказывания Толстого и отрывки из его произведений. Среди них интерес представляют две статьи о сопоставлении идей и образов романов Джордж Элиот «Адам Бид», «Мидлмарч» и романа «Анна Каренина»⁴. Более цельным является обзорное исследование «Лев Толстой и викторианская литература»⁵ армянской исследовательницы С.Э. Нураловой: оно было издано в 2010 году в Ереване на русском языке. В небольшой по объему монографии (87 стр.) автор пытается систематизировать факты знакомства Толстого с английскими авторами XIX века. К достоинствам исследования относится то, что С.Э. Нуралова на равных правах говорит в нем о Диккенсе, Теккере, Тrollope, миссис Генри Вуд, М.Э. Брэддон и Дж. Элиот, пытается наметить некоторые переклички между произведениями Толстого и английских писателей. Минусом работы является произвольный с методологической точки зрения способ объединения писателей в группы.

³ Проскурнин Б.М., Яшенькина Р.Ф. История зарубежной литературы XIX века: западноевропейская реалистическая проза. М., 2006. 411 с.

⁴ Jones W.G. George Eliot's *Adam Bede* and Tolstoy's Conception of *Anna Karenina* // *Tolstoi and Britain*. Berg Publishers, 1995. P. 79–91; Blumberg E.J. Tolstoi and the English Novel: A Note on *Middlemarch* and *Anna Karenina* // *Tolstoi and Britain*. Berg Publishers, 1995. P. 93–103.

⁵ Нуралова С.Э. Лев Толстой и викторианский роман. Ереван, 2010. 87 с.

Среди зарубежных исследований необходимо выделить также глубокое и оригинальное «детективное расследование» Эдвины Крузе «По следам английского романа в “Анне Карениной”: кто написал английский роман, который читает Анна?»⁶ (2010). Интерес Толстого к сенсационному роману и его отражение в «Анне Карениной» изучали также Виктор Губерт⁷ (1980) и Эми Манделкер⁸ (1993). О причинах восхищения писателя Тrolлопом размышлял в своей книге Чарльз П. Сноу⁹ (1975). Шошана Кнапп¹⁰ (1983) и Филип Роджерс¹¹ (1985) рассматривали предпосылки обращения Толстого к творчеству Джордж Элиот.

Столь же скудна и российская библиография по теме диссертационного исследования: можно отметить менее десятка научных работ, посвященных вниманию Толстого к отдельным произведениям викторианской литературы (среди них статьи Г.В. Алексеевой, В.Г. Андреевой, В.А. Бячковой, Н.В. Сарана, Е.Н. Строгановой, Г.И. Романовой и др.). Отдельные аспекты проблемы упоминались в исследованиях, посвященных вопросам рецепции в России творчества того или иного английского писателя, – в диссертациях О.Р. Демидовой¹², И.А. Матвеевко¹³, монографиях и статьях Б.М. Проскурнина¹⁴.

Между тем, импульс для разработки проблемы «Толстой и английская литература» был задан еще в 1920-е годы Б.М. Эйхенбаумом, который в своих работах указывал на традиции английского романа в творчестве Толстого 1850–1860-х годов.¹⁵ Большой вклад в развитие англо-русского сравнительного литературоведения внес и академик М.П. Алексеев¹⁶. Из

⁶ Cruise E. Tracking the English novel in *Anna Karenina*: who wrote the English novel that Anna reads? // Anniversary Essays on Tolstoy. Cambridge: University Press, 2010. P. 159–182.

⁷ Goubert D. Did Tolstoy Read *East Lynne*? // The Slavonic and East European Review. 1980. Vol. 58. № 1. P. 22–39.

⁸ Mandelker A. Framing *Anna Karenina*: Tolstoy, the Woman Question, and the Victorian Novel. Ohio State University Press, 1993. 241 p.

⁹ Сноу Ч.П. Творчество Тrolлопа // Сноу Ч.П. Портреты и размышления. М., 1985. С. 37–61.

¹⁰ Knapp S. Tolstoj's Reading of George Eliot: Visions and Revisions // The Slavic and East European Journal. 1983. Vol. 27. № 3. P. 318–326.

¹¹ Rogers P. Lessons for Fine Ladies: Tolstoj and George Eliot's Felix Holt, the Radical // The Slavic and East European Journal. 1985. Vol. 29. № 4. P. 379–392.

¹² Демидова О.Р. Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России (1850–1870-е годы) : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 242 с.

¹³ Матвеевко И.А. Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х гг. : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2014. 323 с.

¹⁴ Проскурнин Б. О странностях русской рецепции Энтони Тrolлопа // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 300–327; Проскурнин Б.М. Почему Джордж Элиот недооценена в современной России, или О пользе зарубежного взгляда на российскую англистику // Вопросы литературы. 2005. № 2. С. 261–274; Проскурнин Б.М., Хьюитт К. Роман Джордж Элиот «Мельница на Флоссе»: Контекст. Эстетика. Поэтика. Пермь, 2004. 93 с.; и др.

¹⁵ См.: Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой : Исследования. Статьи. СПб., 2009. С. 104, 106, 268, 269, 273, 275, 336, 491, 496–498, 517, 676.

¹⁶ Русско-английские литературные связи: XVIII век – первая половина XIX в. М., 1982. (Лит. наследство; Т. 91.) 863 с.

новейших работ такого масштаба можно указать только на книгу М.Д. Долбилова¹⁷ (2023), в которой автор подробно останавливается на факте внимания Толстого к роману Тrolлопа «Премьер-министр».

Цель диссертационного исследования – реконструировать творческий диалог Л.Н. Толстого с английской литературой XIX века в широком историко-литературном и социокультурном контекстах и определить его значение как для мировоззрения и эстетики самого писателя, так и для всей русской литературы и культуры.

В соответствии с целью исследования ставятся следующие **задачи**:

1. Установить факторы, вызвавшие интерес Л.Н. Толстого к английскому языку, культуре и литературе Великобритании с учетом исторических, социокультурных и историко-литературных предпосылок, а также выявить принципиальные отличия в характере творческого диалога писателя с английской литературой и культурой после духовного переворота конца 1870-х – начала 1880-х годов.

2. Раскрыть механизм творческого диалога Л.Н. Толстого с Джордж Элиот: проанализировать пометы Толстого в изданиях двух ее романов, выявить точки сближения писателей, проследить творческий отклик Толстого на первичное и повторное чтение романов английской писательницы путем сопоставления их нравственно-философских и эстетических принципов, а также образной системы, сюжета и жанровых особенностей произведений.

3. Определить формат творческого взаимодействия Толстого с Энтони Троллопом и его роль в творческих поисках писателя 1860–1870-х годов; дать объяснение положительным и критическим откликам Толстого на творчество Троллопа, проведя сопоставительный анализ художественного метода двух авторов и приемов психологического раскрытия образов.

4. Установить причины обращения Л.Н. Толстого к сенсационному роману и определить значение открытий М.Э. Брэддон и миссис Генри Вуд в создании главных романов Л.Н. Толстого.

5. Выявить формат творческого диалога русских писателей с семиосферой английской культуры при обращении Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова и А.П. Чехова к образу священнослужителя; определить социокультурный контекст его формирования в русской и английской литературе.

Объектом исследования является весь массив сочинений Л.Н. Толстого, включающий его произведения, дневники, письма, а также факты биографии

¹⁷ Долбилов М.Д. Жизнь творимого романа. От авантекста к контексту «Анны Карениной». М., 2023. 391 с.

писателя, прямо или опосредованно связанные с английской культурой и литературой. **Предмет** исследования – формы и механизмы творческого диалога Л.Н. Толстого с английской культурой и литературой; факторы, определившие этот диалог, а также его эволюция.

Материал исследования составляют художественные произведения, педагогические статьи, эстетические и религиозно-философские трактаты Л.Н. Толстого и их черновые варианты; дневники и письма Л.Н. Толстого и ряда английских писателей (в частности, Дж. Элиот); фонды яснополянской библиотеки, в том числе издания с маргиналиями Л.Н. Толстого; записи Д.П. Маковицкого и П.А. Сергеенко; творчество русских и английских авторов – Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, А.П. Чехова, О. Голдсмита, Л. Стерна, Дж. Элиот, Э. Тrolлопа, М.Э. Брэддон, миссис Генри Вуд, миссис Хамфри Уорд, Ф. Скин, Э. Лайэлл; труды Д. Юма. Кроме того, были использованы публикации ведущих отечественных журналов 1850–1860-х годов – таких, как «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Русский вестник», «Русское слово» и др.

Поскольку Толстой читал большинство произведений английских писателей в подлиннике, в исследовании не затрагивается вопрос об их переводческой рецепции. При цитировании используется как оригинальный текст, так и переводной – в случаях, когда в цитируемых фрагментах адекватно передан смысл подлинника. Все переводы, особенно выполненные в XIX веке, сверены нами с оригинальными текстами произведений.

Новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые:

- реконструирован и комплексно осмыслен творческий диалог Л.Н. Толстого с английской литературой и культурой XIX века; выявлены его формы и механизмы, эволюция, причины и результаты для русской литературы и культуры;
- в компаративном исследовании творческого взаимодействия русского писателя с зарубежной литературой и культурой впервые применена методология, основанная на семиотической теории Ю.М. Лотмана и его концепции диалога;
- в научный оборот введены ранее не привлекавшие внимание исследователей материалы личной библиотеки Л.Н. Толстого, позволившие углубить представление о характере и направлении творческого диалога писателя с английской литературой;
- обновлена и скорректирована концепция английской литературы викторианского периода; в частности, выявлена роль творчества Джордж

Элиот и Энтони Троллопа в формировании эстетики и нравственно-философских взглядов Л.Н. Толстого и русского романа в целом;

– раскрыто влияние жанра сенсационного романа на работу Л.Н. Толстого над романами «Война и мир» и «Анна Каренина»; поставлена проблема влияния этого жанра на литературный процесс в России;

– выявлены различные форматы репрезентации образов священнослужителей в русской литературе этого периода с учетом английской эстетической и нравственно-философской традиции.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Реконструкция творческого диалога Л.Н. Толстого с английской литературой производится в работе с опорой на концепцию Ю.М. Лотмана – а именно механизм диалогического взаимодействия семиотических пространств, в качестве которых может выступать любой элемент культуры, «от личности человека или отдельного текста до глобальных семиотических единств»¹⁸ – например, национальной культуры. Такой подход представляется наиболее продуктивным для анализа ситуации, когда английская литература и культура, вызвавшие глубокий интерес Толстого в период становления его как писателя, входят в «ядро» его творческого сознания и активизируют, по Ю.М. Лотману, процесс «текстопорождения»: они становятся для писателя и творческим стимулом, и «учебником» художественных методов, и поддержкой для выработки его собственных нравственно-философских принципов.

Понятие диалога в теории Лотмана важно и для понимания эволюции литературного процесса в России второй половины XIX века: период усиленной рецепции английского романа в 1840–1850-е годы (т.н. «этап пассивного насыщения») постепенно сменяется этапом «возбуждения», когда принимающая культура «начинает бурно порождать новые тексты, основанные на культурных кодах, в отдаленном прошлом стимулированных внешним вторжением, но уже полностью преобразованных... в новую оригинальную структурную модель»¹⁹. Ведущая роль в литературном процессе на этом новом этапе принадлежит Толстому. Таким образом, его собственный творческий диалог с английской культурой оказывается частью и даже одной из первопричин формирования нового «ядра» русской литературы, а впоследствии и ее перехода из «принимающей» позиции в позицию транслятора новых смыслов для мировой литературы и культуры.

¹⁸ Лотман Ю.М. О семиосфере // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. С. 24.

¹⁹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 200.

Использование новаторской для компаративистики методологии Ю.М. Лотмана не исключает применения традиционных методов сравнительного анализа. В частности, для исследования был актуален синтетический подход, апробированный в трудах В.М. Жирмунского и М.П. Алексеева: типологические схождения обуславливают контактные связи, а они, в свою очередь, указывают на наличие типологических предпосылок контакта. Д. Дюришин называет этот подход контактно-типологическим: по мнению ученого, он используется при наличии свидетельств контактных связей, последовательное рассмотрение которых «чаще всего ведет к решению типологических проблем»²⁰.

При анализе материала применялись также культурно-исторический, биографический и текстологический методы. В работе используются концепции исторической и компаративной поэтики (М.М. Бахтин, А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, М.П. Алексеев); при анализе художественных текстов применялись отдельные элементы структурно-типологического подхода и мотивного анализа (В.Н. Топоров, Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, Ю.В. Шатин, А.С. Янушкевич, И.В. Силантьев). Историко-литературную основу исследования определили научные труды Б.М. Эйхенбаума, С.Г. Бочарова, В.Б. Шкловского, Л.Я. Гинзбург, И. Паперно, И.П. Видуэцкой, Г.М. Фридендера, Б.М. Проскурнина, Е.П. Зыковой, Э. Манделкер, Д.Т. Орвин и др.

Также исследование базируется на достижениях томской филологической школы (Ф.З. Канунова, А.С. Янушкевич, Э.М. Жиликова, О.Б. Лебедева, И.А. Айзикова, Н.Е. Никонова), важнейшими принципами которой являются признание нравственно-философской и эстетической природы метода и жанра, принцип системного анализа литературы определенной эпохи, а также осмысление наследия русских писателей в широком контексте мировой культуры.

Теоретическая значимость исследования связана с тем, что на примере творческого диалога Л.Н. Толстого с английской литературой и культурой была показана существенная роль междисциплинарного взаимодействия в формировании как творческого метода писателя, так и национальной и мировой литературы. Успешность применения этой методологической модели обусловлена, конечно, масштабом личности и творчества Л.Н. Толстого, однако представляется, что такой подход может быть продуктивным в компаративистике и применяться при анализе творческого диалога писателей с иной национальной культурой и с любым «чужим»

²⁰ Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979. С. 197.

семиотическим пространством. Апробированная в работе методика также может быть использована для более углубленного изучения литературного процесса, в котором, как подчеркивал Ю.М. Лотман, «списки того, что читалось в том или ином году», не менее значимы, чем «перечень произведений, написанных в этом году»²¹.

Результаты проведенного исследования важны и для обновления концепции восприятия английской литературы XIX века в России. Долгое время бытовавшее в советском и постсоветском литературоведении «усеченное» представление о викторианском периоде привело к неадекватному сведению всех компаративных исследований к изучению влияния Диккенса (реже – Теккерея) на становление русского реалистического романа. Следствием такого «диккенсоцентризма» стало возникновение методологической лакуны – применение неплодотворных методов и подходов к изучению роли английской культуры в развитии литературного процесса в России. В диссертации основной объект исследования – все факты и формы взаимодействия Толстого с английской культурой – рассматривается как важный этап не только формирования творческого сознания писателя, но и развития русского реалистического романа и русской литературы, в целом.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно открывает перспективы дальнейшего изучения творчества Л.Н. Толстого в контексте диалога с другими национальными литературами и культурами, чему способствует наличие обширных неисследованных фондов личной библиотеки писателя, в том числе изданий зарубежных авторов с его пометами. Диссертация может быть использована в курсах по русской и зарубежной литературе XIX века, стать основой спецкурсов на гуманитарных факультетах вузов, а также способствовать популяризации творчества Л.Н. Толстого, русско-английских литературных и культурных связей в связи с приближающимся 200-летним юбилеем писателя. Также можно надеяться на активизацию деятельности российских издательств по подготовке к выпуску пока не известных широкому читателю произведений викторианских авторов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Творческий диалог Л.Н. Толстого с английской литературой XIX века рассмотрен с точки зрения методологии Ю.М. Лотмана. Установлено, что восприятие определенных элементов семиосферы английской культуры способствовало формированию «ядра» творческого сознания писателя, влияя

²¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 169.

на работу над его главными произведениями и тем самым оказывая воздействие на русский литературный процесс в целом, способствуя выдвижению отечественной литературы на ведущую позицию в мировой художественной культуре.

2. Основными факторами для возникновения творческого диалога Л.Н. Толстого с английской литературой XIX века стали причины историко-культурного, литературно-критического и общественно-политического характера, но главной из них явилась близость писателю этического, моралистического пафоса английской литературы, внимания британских авторов к проблеме нравственного совершенствования, движениям человеческой души, идущих еще из эстетики сентиментализма.

3. В творческом диалоге Л.Н. Толстого с английской литературой можно выделить два основных этапа, сопоставимых с общей периодизацией творчества писателя. На первом этапе (1847–1870-е годы) английская литература становится стимулом для обращения Толстого к писательскому труду; ориентиром в процессе выработки собственных художественных принципов. В творчестве викторианских авторов писатель находит поддержку своим новаторским художественным решениям в области психологического раскрытия образов. На втором этапе (с конца 1870-х – начала 1880-х годов до конца жизни писателя) оценка английской литературы Толстым зависит от его новых религиозно-философских приоритетов. Творчество викторианских авторов, во многом, стимулирует возвращение писателя к художественной литературе и помогает в разработке нового типа героя.

4. Наиболее репрезентативный механизм творческого диалога выявляется при анализе фактов внимания Толстого к творчеству Джордж Элиот. Предпосылкой его стала близость нравственно-философских и эстетических установок двух авторов, их интерес к сюжету саморазвития, внутреннего совершенствования и самоопределения героев. Результатом этого на первом этапе становится влияние ряда сюжетных «узлов» и образов Элиот на формирование художественной системы Толстого, а на втором этапе – активное использование религиозных взглядов английской писательницы (идея «симпатии») в позднем творчестве Толстого и трансформация им романного канона с использованием опыта романа «Адам Бид».

5. Иной формат представляет творческий диалог Толстого с Энтони Троллопом. Чтение романов английского автора раскрывает «творческую лабораторию» Толстого и становится для него стимулом к осмыслению способов художественного постижения реальности. Факторами, приведшими

к искреннему восхищению Толстого романами Тrolлопа, явились общая погруженность писателей во внутренний мир героев, стремление сделать логику становления их характера основой сюжета, интерес к теме выбора жизненного пути. Опыт Тrolлопа был особенно важен для Толстого при изображении образа государственного деятеля, его внутренней эволюции и духовной драмы.

6. Важнейшую роль в механизме творческого взаимодействия Толстого с английской литературой на первом этапе сыграл жанр сенсационного романа. В «Войне и мире» открытия М.Э. Брэддон помогли писателю решить вопрос с выстраиванием увлекательной романной интриги, дали возможность усложнить и драматизировать основные элементы сюжета, сделать характеры и поступки героев психологически достоверными. В «Анне Карениной» Толстой вслед за миссис Генри Вуд создает повествование-«палимпсест», в котором декларируемые семейные ценности разоблачаются с помощью драматического сюжета и сложной системы семейных ролей.

7. Своеобразные форматы взаимодействия русских писателей XIX века с семиосферой английской культуры демонстрируют образы священнослужителей в произведениях Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова и А.П. Чехова. В поиске героя-идеолога, носителя христианских ценностей, большинство русских классиков прямо или опосредованно использовали традиции, накопленные в английской литературе, точно так же стремясь совместить в герое-священнике человеческую простоту с высокими нравственными идеалами. Этот процесс, актуальный и для позднего Толстого, приводит к выработке новых художественных форм и созданию нового типа героя в отечественной словесности.

Степень достоверности исследования обусловлена следующими факторами:

- обращением к первоисточникам: личным изучением материалов библиотеки Л.Н. Толстого, черновых вариантов его произведений, дневников и писем, а также использованием оригинальных текстов произведений английских авторов;
- привлечением большого числа авторитетных научных исследований, в том числе зарубежных;
- опорой на фундаментальные методологические разработки отечественных ученых.

Апробация результатов. Основные положения диссертационного исследования были изложены в докладах на 21 научной конференции:

Всероссийская научная конференция «Л.Н. Толстой: художественная картина мира» (Кемерово, 2010), Международная научная конференция «VII Майминские чтения. Эпические жанры в литературном процессе XVIII–XXI вв.: забытое и “второстепенное”» (Псков, 2011), VIII Международная научная конференция «Лев Толстой и мировая литература» (Ясная Поляна, 2012), Международная научная конференция «Worlds Colide – Connections/Divisions /Dialogues between Cultures (CLASH Conference)» (Польша, Познань, 2012), Международная научная конференция «“Встречные течения” в культуре России и Великобритании XIX века» (Томск, 2013), Международная научная конференция «Евангельский текст в русской словесности: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр» (Петрозаводск, 2014), IX Международная научная конференция «Лев Толстой и мировая литература» (Ясная Поляна, 2014), II Международная междисциплинарная научная конференция «Все восторги мира: Экстаз в литературе и искусстве» (Санкт-Петербург, 2015), Всероссийская научная конференция «Сюжетология / сюжетография» (Новосибирск, 2015), VIII Международная научная конференция «Молодые исследователи Чехова» (Москва, 2015), Международная научная конференция «Language, Culture and Society in Russian/English Studies» (Великобритания, Лондон, 2015), Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию филологической науки в ТГУ «Филология в XXI веке: слово, текст, коммуникация» (Томск, 2017), IX Международная научная конференция «Молодые исследователи Чехова» (Москва, 2018), I Международная научная конференция «Культурный трансфер: история, общество, слово» (Томск, 2018), XI Международная научная конференция «Лев Толстой и мировая литература» (Ясная Поляна, 2018), Международная научная конференция к 200-летию Джордж Элиот «George Eliot – 2019» (Великобритания, Лестер, 2019), XII Международная научная конференция «Лев Толстой и мировая литература» (Ясная Поляна, 2021), Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Ф.З. Кануновой «Проблемы метода и жанра» (Томск, 2022), Международная научная конференция Британской ассоциации славянских и восточно-европейских исследований (BASEES) (Великобритания, Глазго, 2023), XXI Международная научно-практическая конференция «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, 2024), Международная научная конференция «Личность и творчество Л.Н. Толстого в контексте мировой культуры и литературы» (Казань, 2024).

По теме диссертационного исследования был изучен материал в рамках гранта РГНФ «Репрезентация образа священнослужителя в русской и

английской литературе XIX века: социокультурная дистанция и эстетический диалог» (№ 14-34-01240, 2014–2015, руководитель – И.Ф. Гнусова), а также проведены две научные стажировки для сбора материалов: в музее-усадьбе «Ясная Поляна» (грант РФФИ № 10-06-90741-моб_ст, 2010, руководитель – А.Н. Полосина, исполнитель – И.Ф. Гнусова) и Викторианском центре Пермского государственного национального исследовательского университета (грант РФФИ № 12-06-90808-мол_рф_нр, 2012, руководитель Б.М. Проскурнин, исполнитель – И.Ф. Гнусова).

Публикации. По теме диссертации опубликовано 25 работ, в том числе 20 статей в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (из них 15 статей в российских научных журналах, входящих в Web of Science), 1 монография, 2 статьи в прочих научных журналах, 2 статьи в сборниках материалов международных научных конференций.

Структура диссертационной работы обусловлена ее целью и задачами и включает в себя введение, две главы, заключение, список использованных источников и литературы (352 наименования). Диссертация содержит 2 таблицы.

Основное содержание диссертации

Во **введении** определена степень изученности проблемы, обоснованы актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, обозначены его цели и задачи, описана теоретическая база и методология, раскрыты принципы отбора материала, представлены основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Английская литература как творческий стимул, художественный ориентир и подтверждение нравственных идеалов: творческий диалог Л.Н. Толстого с британскими писателями в период становления и зрелости (1850–1870-е годы)»** анализируется первый этап творческого диалога Толстого с английской литературой, рассматриваются его предпосылки, формы и результаты.

В параграфе 1.1 **«Английский контекст творчества Л.Н. Толстого в 1850–1870-е годы»** показано, что на формирование особого отношения Толстого к английской литературе и культуре повлиял целый комплекс причин – личных, историко-культурных, литературно-критических и общественно-политических. Первый период творчества писателя, отсчет

которого традиционно ведется с момента появления его дневниковых записей в январе 1847 года, практически сразу оказывается связан с английской литературой и культурой. «Заниматься английским», «прочитать *Vicar of Wakefield*» Голдсмита (46, 29)²² – вот одни из первых задач, которые намечает для себя Толстой. Отчасти это было вызвано культурными нормами дворянской среды: тяготение образованной части российского общества к «англомании» имело к тому моменту почти столетнюю историю. Однако у Толстого были и личные причины для того чтобы читать английских авторов в оригинале. Напряженное «всматривание» в себя, склонность к рефлексии и самокритике, страстная жажда нравственного совершенствования – те черты молодого Толстого, которые определяют его интерес к трудам мыслителей эпохи Просвещения (прежде всего, Руссо), а также к английской литературе XVIII века – Стерну и Голдсмиту.

Литература – романы Стерна, Диккенса и примыкающие к ним сочинения Юма – является главным фактором формирования у Толстого устойчивого интереса к английской культуре. Немало способствует этому и круг «Современника»: в 1850-е годы редакция журнала также пытается сформировать свою эстетическую позицию, опираясь на тенденции английского литературного процесса, а благодаря А.В. Дружинину и активно пропагандирует английскую литературу в целом.

Английская литература, в частности, романы Диккенса и Теккерея, помогает Толстому определить свое место в литературном процессе («диккензовские лица общие друзья всего мира, ...а Текерей и Гоголь верны, злы, художественны, но не любезны» (47, 178)). Писатель не остается в стороне и от той явной ориентации на британское общественно-политическое устройство, которая проявляется в российской прессе в конце 1850-х годов в связи с подготовкой реформ. Тональность высказываний писателя в журнале «Ясная Поляна» схожа с пафосом публицистики того времени, где указывалось на гражданские свободы в Англии как основу политической стабильности.

В контексте общественного оживления рассматривается и педагогическая деятельность Толстого, однако обращение к ней было связано и с другими причинами. Разочаровавшись в петербургских литературных кругах, писатель вновь актуализирует идеи Юма и Стерна: он выражает в своих педагогических статьях ту же философию «симпатии», то же отношение к каждому неграмотному ученику как личности.

²² Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений Л.Н. Толстого (Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.; Л., 1928–1958) даются в тексте в круглых скобках, где первая цифра обозначает номер тома, вторая – страницу.

В параграфе подробно рассматривается поездка Толстого в Лондон в 1861 году. Англия, «самая образованная страна» (60, 330), была главным пунктом назначения для Толстого, отправившегося в Европу для изучения системы школьного образования. Показательны и два кризиса в жизни писателя, связанные с посягательством власти на его личную свободу: для ее обеспечения он готов был эмигрировать в Англию. Описывая свое негодование из-за полицейского и судебного произвола, Толстой воспроизводит характерную для публицистики того времени антитезу между российской и британской государственностью.

Таким образом, Толстому оказалась близка этико-философская основа английской словесности, ее гуманистический пафос и принципиальная «нравоучительность», однако «катализатором» его интереса стали обстоятельства общественно-литературного порядка.

Параграф 1.2 **«Творчество Джордж Элиот в художественных исканиях Л.Н. Толстого 1860–1870-х годов: проблема героя и близость нравственной философии»** призван доказать, что в 1860-е годы главной по значимости среди английских авторов для Толстого становится Джордж Элиот.

Параграф состоит из четырех разделов. В разделе 1.2.1 **«Совершенствующаяся героиня в творчестве Л.Н. Толстого и Джордж Элиот»** рассматриваются пометы Толстого в англоязычном издании четвертого романа Элиот «Феликс Холт, радикал» (1866). Они были сделаны писателем при повторном чтении произведения в 1885 году, однако содержательно уходят корнями в его раннее творчество и позволяют понять суть творческой близости Толстого и Элиот.

Четыре отрывка, обведенных Толстым, являются фрагментами диалога двух главных героев романа – образованного молодого ремесленника Феликса Холта и тщеславной красавицы Эсфири Лайон. Герой видит в Эсфири подлинное нравственное начало и в выделенных отрывках убеждает ее измениться, начать серьезнее смотреть на жизнь.

Желание Феликса Холта воспитать героиню, которая к концу романа становится его женой, прямо корреспондирует с необычным творческим опытом Толстого – перепиской с Валерией Арсеньевой осенью 1856 года, вылившейся впоследствии в создание романа «Семейное счастье» (1859). Толстой в письмах «моделирует» свою будущую жену, обучая ее и прививая ей собственные взгляды. Фактически он создает образ совершенствующейся героини, который станет основой для характеров Маши из «Семейного счастья», Кити Щербацкой, Катюши Масловой.

Сюжет дальнейших отношений Феликса и Эсфири также корреспондирует с продолжением «романа» вымышленных героев из писем Толстого, которые писатель своеобразно продолжает в «Семейном счастье». Образ Маши становится завершенным вариантом образа Дембицкой: она послушно встает на предложенный Сергеем Михайловичем путь совершенствования. Ряд психологических деталей в описании внутреннего развития героини схож с ситуацией в романе Элиот. Произведения объединяет и одинаковая «расстановка сил» в системе образов: герой в обоих случаях постепенно отодвигается на второй план по мере внутреннего преобразования героини. И Эсфирь, и Маша подвергаются искушению: авторы проверяют их верность новым убеждениям.

Проведенный анализ показывает, что творчество Толстого и Элиот сближает наличие идейно-художественной доминанты: оба декларировали необходимость развития и самосовершенствования, поиска и сохранения истинного смысла и цели жизни. Это обусловило внимание писателей к образу совершенствующейся героини – растущей под влиянием героя, переживающей ситуацию мучительного нравственного выбора и затем находящей собственный путь. Этот сюжет самовоспитания героини образует особый тип романа в творчестве обоих писателей. Пометы на страницах «Феликса Холта» подтверждают, что писатель увидел в произведениях Элиот отражение собственных творческих поисков.

В разделе 1.2.2 **«Между смирением и страстью: отзвуки романа Джордж Элиот “Мельница на Флоссе” в “Войне и мире” Л.Н. Толстого»** анализируются пометы Толстого в англоязычном издании «Мельницы на Флоссе» (1860). Выделенные Толстым фрагменты романа объединены общей темой: это спор о необходимости самоотречения и непреклонного следования своему долгу. Такую позицию отстаивает главная героиня – Мэгги Талливер, один из самых ярких образов Джордж Элиот.

1860-й год, когда Толстой, вероятно, познакомился с «Мельницей на Флоссе», был знаковым для писателя: именно к этому периоду относится появление замысла «Войны и мира». Интерес Толстого к проблематике «Мельницы на Флоссе» можно назвать одним из факторов, повлиявших на формирование ключевых образов будущего романа-эпопеи. Мотив борьбы между смирением и страстью, самоотречением и жадой земного счастья, долгом и зовом сердца, который Толстой последовательно акцентирует во время чтения романа Элиот, реализуется в «Войне и мире» в трех образах: Пьера Безухова, княжны Марьи и Наташи Ростовской. В них рассредоточено то, что составляет суть характера Мэгги Талливер, – горячая, страстная

натура, глубокая преданность родным, а также собственным нравственным законам, постоянная саморефлексия.

Существенным основанием для постановки вопроса об отклике Толстого на роман Элиот становится труд «О подражании Христу» Фомы Кемпийского – немецкого католического монаха и писателя, созданный примерно в 1427 году. И Мэгги, и Пьер читают эту книгу в период кризиса; учение Фомы Кемпийского знаменует их прозрение и обращение к новой духовной доктрине. В обоих случаях знакомство с книгой происходит при участии наставника: в «Войне и мире» эту роль играет Осип Баздеев, а в романе Элиот – прежний владелец книги Мэгги, отметивший в ней наиболее важные высказывания. Речь Осипа Баздеева даже стилистически схожа с текстом книги «О подражании Христу», который изобилует вопросами и восклицаниями, обращенными к читателю. Близки и приемы психологического описания героев в момент их «диалога» с наставниками.

Исследование черновых вариантов «Войны и мира» позволило выявить, что читателем труда «О подражании Христу» изначально являлась и княжна Марья. Толстой убирает упоминание об этом, вероятно, из-за сложного отношения к идее религиозного смирения и самому Фоме Кемпийскому: для него была неприемлема мысль о необходимости добровольного отречения от полноценной жизни, радости познания, любви. Поэтому, создавая образ Марьи Болконской, Толстой использует тот же психологический прием, что и Элиот: убеждения героини развенчиваются комментарием повествователя, обнажающим ее истинные желания, скрытые даже от самой себя.

Наиболее близок главной героине «Мельницы на Флоссе» образ Наташи Ростовской. Наташа также проходит через сильнейший жизненный кризис и получает свой урок смирения. В разделе подробно анализируются сцены рефлексии Мэгги и Наташи после первой встречи с героями, потрясшими их воображение. Важно и то, как переживают обе героини этот кризис. Наташа оказывается спасена тем же средством, что и Мэгги ранее: ее возрождает к жизни чувство религиозного смирения. Однако писатель акцентирует естественность этого процесса, преклонение героини не перед доктриной, но перед Богом. А главное – смирение не становится смыслом жизни Наташи.

В романе Элиот, напротив, учение Фомы Кемпийского вновь поддерживает героиню в финале романа и своеобразно «замыкает» ее путь. Однако гибель Мэгги показывает, что путь самоотречения не органичен для нее. Разлившаяся река Флосс становится воплощением той страсти, что бушует в душе героини. Характерно, что, осуждая героев за увлечение идеями самоуничтожения, оба автора с сочувствием относятся к другому их

заблуждению, вызванному жгучей нереализованной потребностью во взаимной любви.

Сопоставительный анализ ключевых авторских идей и способов их художественного воплощения в романах «Мельница на Флоссе» и «Война и мир» существенно дополняет историю создания крупнейшего произведения Толстого, а также вносит весомый вклад в понимание сути творческого диалога русского писателя с Джордж Элиот.

В разделе 1.2.3 «Две Долли: отклик на роман Джордж Элиот “Сайлес Марнер” в “Анне Карениной” Л.Н. Толстого» предпринята попытка доказать, что создание образа Долли Облонской – одной из самых малоизученных героинь «Анны Карениной» – явилось откликом Толстого на чтение романа Джордж Элиот «Сайлес Марнер» (1861).

Хотя прямых свидетельств знакомства писателя с романом нет, косвенным доказательством является то, что позднее его племянница Вера Сергеевна переводит роман для издательства «Посредник», идейным руководителем которого был Толстой. Однако наиболее явно об этом свидетельствует типологическая близость Долли Облонской и одной из второстепенных героинь «Сайлеса Марнера» – Долли Уинтроп, женщины необразованной, но благочестивой, пользующейся безусловным уважением односельчан. Совпадение нравственно-философского содержания образов, а также приемов их художественного изображения позволяет утверждать, что миссис Уинтроп стала прообразом Долли Облонской и причиной, по которой Толстой выбрал имя для своей героини.

Периферийное положение Долли Уинтроп в сюжете не отменяет ее важной роли в замысле романа. В отличие от центрального героя, ткача Сайлеса Марнера, который долгие годы ищет смысл существования, Долли имеет твердые убеждения и веру в Божий промысел. Именно эта цельность миссис Уинтроп и ее способность к активному сочувствию оказываются важны для Марнера в процессе его возвращения к людям и вере.

Эти же качества – нравственную цельность, погруженность в заботы о близких и чуткое сострадающее сердце – делает ядром образа своей Долли и Толстой. Показательно, что эпитеты, сопровождающие описание героини Элиот («mild» – «мягкая, кроткая»), воспроизводятся Толстым в характеристике Долли Облонской (черновой вариант: «жена его, кроткая, милая Дарья Александровна...» (20, 51)). Оба автора демонстрируют способность героинь к активному действию во имя добра. Обе Долли являются носителями моральной нормы, своеобразной «лакмусовой бумажкой», по которой проверяется нравственная состоятельность поступков и чувств всех героев.

Беседы Долли Уинтроп и Сайлеса Марнера имеют определенное сходство с эпизодами встреч Дарьи Облонской с Карениным, Левиным, Анной. Обеих героинь сопровождает мотив «неумения говорить» – неспособности выразить свои мысли так, чтобы убедить собеседника. Однако обе Долли доказывают свою правоту жизнью, делами, умением вести хозяйство, воспитывать детей. Дом, детская комната как естественная для обеих героинь среда актуализирует этимологию их имен: Долли – простое, «домашнее» английское имя.

Образ простого героя в обоих романах становится способом трансляции авторских нравственно-философских идей. Именно такая героиня нужна была Толстому, чтобы уравновесить характеры мятущихся, страдающих от потери духовной опоры Левина и Анны.

В разделе 1.2.4 **«“Зараженное семейство” Л.Н. Толстого и “Ромола” Джордж Элиот: два ответа на “женский вопрос”»** доказывается, что стимулом для создания неопубликованной комедии Толстого «Зараженное семейство» (1863–1864) могло быть знакомство с романом Элиот «Ромола», напечатанным в сентябре-декабре 1863 года в журнале «Отечественные записки». В яснополянской библиотеке есть экземпляр романа на английском языке, однако по некоторым признакам он выпущен позже указанного на обложке 1863 года. Возможно, издание попало к Толстому в 1885 году, когда писатель вынашивал план издать биографию Савонаролы – религиозного и политического деятеля Флоренции XV века и одного из героев «Ромолы». В письме к В.Г. Черткову Толстой, вероятно, вспоминает именно об этом романе: «Еще... Саванаролла. – Есть G. Elliot роман» (85, 189).

Дополнительным аргументом в пользу знакомства Толстого с «Ромолой» осенью 1863 года является то, что роман создан на историческом материале. Изображение духовного развития молодой героини в историческом контексте борьбы идей должно было привлечь внимание писателя, который в это время начал подготовку к работе над «Войной и миром». Однако вскоре писатель откладывает исторические труды, чтобы воспроизвести ситуацию идеологического хаоса на современном материале, в неожиданно карикатурном виде. Знакомство с романом Элиот представляется наиболее вероятным поводом для начала работы над комедией: близкий Толстому исторический материал в «Ромоле» активно переплетается с проблемой поиска женщиной своего предназначения.

Оба произведения фактически являются пространством для выражения авторских взглядов на роль и призвание женщины. Вслед за Элиот Толстой делает центром своей комедии «Зараженное семейство» сюжет несчастливого замужества героини и показывает борьбу идей, которая

разворачивается вокруг нее. Судьба Ромолы воплощается в двух образах – легкомысленной дочери помещика Любочки и сатирически изображенной нигилистки Катерины Матвеевны. Образ Любочки является «фокусом» сюжетного действия: именно ее замужество открывает глаза героям на истинный облик «новых людей» и приводит к частичному излечению семьи Прибышевых от «заражения». Любочка могла бы приблизиться к характерному для Толстого типу совершенствующейся героини, однако этот потенциал образа не был реализован в комедии.

Общим сюжетным элементом двух произведений является и ситуация побега молодой женщины из дома, вызванного разочарованием героини в своем избраннике. Толстой воплощает его в образе Катерины Матвеевны. В финале писатель показывает, что увлеченные новыми идеями героини одинаково несчастливы, у них нет жизненной цели и перспектив. Однако Элиот в своем романе предлагает другой финал: смыслом существования Ромолы становится забота о людях, вне семьи, религиозных или социальных теорий.

Очевидно, Толстой не мог принять самореализации героинь в социальной сфере: любое стремление женщины к труду за рамками семейного круга было для него в тот момент объектом осмеяния. При этом писатель не высказывает четкой позиции в вопросе о предназначении женщины. Эта недосказанность могла быть причиной того, что Толстой не стал дорабатывать комедию.

Тем не менее, образы романа Элиот, особенно сюжет, построенный на череде драматических кризисов в жизни и мировоззрении героини, могли вызвать у Толстого живой отклик. Скрытая полемика писателя с Джордж Элиот по вопросу о роли женщины продолжится и в «Войне и мире», и в «Анне Карениной». Роман «Ромола», таким образом, оказывается созвучен всему последующему творчеству Толстого и мог способствовать реализации ключевых идей русского писателя.

В завершении параграфа подводятся итоги первого периода творческого диалога Толстого с Джордж Элиот, подчеркивается созвучие нравственно-философской проблематики их произведений. Как и Элиот, Толстого в этот период более всего интересует сюжет саморазвития, внутреннего совершенствования героев, самоопределения, поиска ими своего места в жизни, истинного призвания. Движение характеров является общей доминантой сюжетостроения романов Толстого и Элиот, что позволяет говорить и о близости методов психологического анализа писателей.

Параграф 1.3 «Творчество Энтони Троллопа в оценке Л.Н. Толстого: “убивающее мастерство” психологического анализа» посвящен

творческому диалогу Толстого с писателем, о романах которого он отзывался с восхищением и завистью: «Тролоп убивает меня своим мастерством. Утешаюсь, что у него свое, а у меня свое» (48, 64) (дневниковая запись 1865 года).

Параграф включает три раздела. В разделе 1.3.1 **«“Утешаюсь, что у него свое, а у меня свое”: точки соприкосновения и области расхождения в эстетике и повествовательной манере Л.Н. Толстого и Э. Тrolлопа»** раскрывается хронология знакомства Толстого с творчеством английского писателя, анализируются отзывы о нем. Наряду с положительными откликами Толстой указывает на то, что вызывает у него неприятие: «diffusness» (48, 63), «условного слишком много» (48, 64). Способность Тrolлопа погружаться в изображаемые характеры, давать точные мотивировки помыслов и поступков героев, передавать их внутреннюю драму действительно не имеет себе равных – однако исследователи справедливо указывают на преобладающую статичность его характеров. Отличается и методика отбора персонажей, проекция их изображения: Тrolлоп фокусирует внимание, прежде всего, на слабостях своих героев. Неслучайно наиболее яркими образами английского писателя стали герои с отчетливо выраженными недостатками. В художественном мире Толстого на первый план выступают другие герои: жажда совершенствования обуславливает их нравственную победу над обстоятельствами.

Это различие становится особенно очевидно при сопоставлении толстовских героев с теми персонажами Тrolлопа, которые словно призваны «уравновесить» общую систему несовершенных образов. Пример тому – священник Фрэнсис Эйрбин, персонаж нескольких романов «Барсетширской хроники», один из которых – «Последняя хроника Барсета» – сохранился в яснополянской библиотеке в числе 12 изданий Тrolлопа на английском языке. Однако сравнительно-типологический анализ производится на материале наиболее известного романа цикла – «Барчестерские башни» (1857), где Эйрбин является одним из центральных героев.

В отличие от более ярких центральных образов романа, Эйрбин пассивен, неэмоционален, даже робок. Однако он осознанно ищет свой путь в жизни, переживая ряд серьезных духовных кризисов. Нехарактерный для троллоповского образного ряда, Эйрбин был вполне «своим» для Толстого и во многом сближается с образом Левина. Героев объединяет равнодушие, даже страстное отношение к общему делу. Важно, что в момент кризиса героя Тrolлопа спасает простой деревенский священник, уча его смирению и преодолению эгоизма. В романе Толстого народная мудрость так же одерживает верх над гордостью и самолюбивым отчаянием Левина.

Эйрбина и Левина сближают и мечты о семейном счастье. Оба на пути к счастью подвергаются искушению, подпадая под чары героинь – Маделины Нерони и Анны Карениной. Сцены «порабощения» Левина и Эйрбина схожи в ряде психологических деталей.

Таким образом, восхищаясь даром «апперцепции» Троллопа (термин Ч.П. Сноу) и порицая его за условность и случайность его сюжетов, Толстой не мог не уловить в «Барсетширской хронике» стремление писателя к поиску положительного героя, способного к саморефлексии и саморазвитию.

В разделе 1.3.2 **«Роман Э. Троллопа “Бертрамы” в оценке Л.Н. Толстого»** продолжается исследование читательских реакций Толстого на творчество Троллопа и поиск вероятных «точек схождения» двух мастеров психологического реализма. Анализу подвергается малоизвестный роман «The Bertrams» (1859), который и вызвал у Толстого целый спектр эмоций осенью 1865 года.

Мастерство Троллопа в изображении человеческих чувств, безусловно, можно поставить на первое место в ряду достоинств «Бертрамов», на которые обратил внимание Толстой. Художественный метод писателей имеет значительную общность, которая заключается в смещении фокуса с сюжета на логику поведения героев. Однако в их повествовательной манере есть существенное различие, которое хорошо видно на примере сцен объяснения между влюбленными героями в «Бертрамах» и «Войне и мире». В произведениях Троллопа всегда присутствует повествователь, который «сопровождает» читателя, комментируя мысли и поведение героев. У Толстого же психологическое состояние героев раскрывают они сами: это заметно в эпилоге «Войны и мира» в сцене визита Николая Ростова к княжне Марье.

Толстому могли быть близки и центральные образы «Бертрамов»: как и большинство толстовских героев, они имеют автопсихологическую основу. Артур Уилкинсон воплощает тип неудачливого героя, терзаемого осознанием собственных ошибок. Подобный образ создает Толстой в повести «Юность». Другой герой романа Троллопа, Джордж Бертрам, представлен как молодой человек в ситуации жизненного выбора. Схожий портрет запутавшегося молодого человека, не имеющего ясных целей в жизни, Толстой воспроизводит в повести «Казаки». Герои выбирают общий выход – «бегство от цивилизации»: Оленин уезжает на Кавказ, Бертрам – в Иерусалим.

Еще одной причиной интереса Толстого к «Бертрамам» могло быть обращение Троллопа к религиозной тематике. Изображая святые места Иерусалима, писатель использует тот же метод остранения, что и Толстой при описании церковной службы в романе «Воскресение». К будущим

религиозным трактатам Толстого отсылает то, что Джордж Бертрам пишет книги, переосмысливающие основные положения Библии.

Анализ художественной системы романа «Бертрамы» позволяет более точно интерпретировать упомянутые Толстым изъяны романа Тrolлопа. Его замечание о «diffusness», вероятнее всего, было вызвано обширными комментариями, сопровождающими основное действие в романе Тrolлопа, а также неизменной иронически-легкой тональностью романа. Говоря об обилии условностей, Толстой явно имел в виду искусственность благополучного финала «Бертрамов», а также противоречивый образ возлюбленной Бертрама Кэролайн Уоддингтон.

Таким образом, чтение Тrolлопа стало для Толстого своеобразной «творческой лабораторией», стимулом к осмыслению способов художественного постижения реальности. Неслучайно в процессе знакомства с «Бертрамами» Толстой выстраивает в дневнике свою классификацию романной «поэзии» – то есть различных методик создания романа. Произведения Тrolлопа провоцируют в нем процесс писательской рефлексии, выработки собственного слога, и важно, что происходит это в 1865 году, в самом начале большой работы над «Войной и миром».

В разделе 1.3.3 **«Образ государственного человека в романах Л.Н. Толстого и Э. Тrolлопа (Алексей Каренин и Пантагенет Паллизер)»** осмысливается знакомство писателя с романом «Премьер-министр» (1876), о котором в январе 1877 года он оставил замечание: «Prime Minister прекрасно» (62, 302).

Толстой в это время работал над шестой частью «Анны Карениной». Одобрение писателя могло быть вызвано тем, что Тrolлоп изображает в своем романе тип героя, схожий с образом Каренина, – государственного деятеля, обладающего умом и любовью к своему делу, но отличающегося тем же невниманием к частной стороне жизни. Сопоставление Пантагенета Паллизера с Алексеем Карениным дает возможность по-новому взглянуть на образ толстовского героя и его драму – не только как обманутого мужа. Подобно Паллизеру, Каренин внезапно оказывается перед фактом фатального одиночества человека, облеченного властью, и разрушительного влияния той мнимой жизни, той официально-государственной реальности, которая исподволь подчиняет себе настоящую жизнь человека и определяет его судьбу.

Герои проходят схожий путь эволюции. На первом этапе оба автора демонстрируют их безмятежное спокойствие, углубленность в служебную деятельность и одинаковое равнодушие к личному и житейскому. Кризисная ситуация вызывает неожиданное и болезненное «пробуждение» героев: оба

испытывают смятение, осознают свою уязвимость перед обстоятельствами. Испытания преображают их: и Паллизер, и Каренин остро ощущают драматизм своего положения и ищут поддержки. На разных этапах такую поддержку им оказывают героини: в обоих случаях авторы рисуют образ немолодой и некрасивой женщины, имеющей твердые убеждения и дающей советы своему спутнику (леди Розина и Лидия Ивановна).

На следующем этапе каждый из героев обретает духовное величие, пытается следовать своим убеждениям, презрев осуждение окружающих. «Радостное чувство любви и прощения к врагам» (18, 434), которое ощущает Каренин у постели умирающей жены, становится высшей точкой его внутреннего преображения. Герой Тrolлопа не подвергается столь радикальной духовной трансформации, однако растерянность в нем также сменяется решительностью и гневом на пустоту, суетность и беспринципность окружающих. Нравственная высота героев подчеркивается наличием их своеобразных «двойников». В «Премьер-министре» образ Паллизера контрастирует с героем параллельной сюжетной линии романа – Фердинандом Лопцом, беспринципным и холодным интриганом. «Двойником» Каренина становится Стремов, тип самоуверенного выскочки. В эпизоде с интригами Стремова Толстой явно использует традиции английского политического романа.

Сонное, неподвижное состояние, в которое постепенно впадают герои, одинаково сопровождается остановкой в их продвижении по служебной лестнице. Финалом пути в обоих случаях становится разочарование, выбор ложного пути, заблуждение и духовное омертвление. И Паллизер, и Каренин терпят крах, принимая ценности, которые еще недавно казались для них неприемлемыми. Паллизером овладевает жажда власти, а в Каренине чувство всепрощения трансформируется в косную самоуверенность.

Таким образом, в «Премьер-министре» Толстого мог привлечь глубокий и точный психологизм Тrolлопа, который детально прослеживает «механизм» преображения нечувствительного героя, исследует диапазон душевных состояний такого же образа человека-«министерской машины», над которым работал он сам. Толстому могли быть интересны и традиции политического романа: вслед за английским писателем он пытается показать влияние политики на характер и духовную эволюцию человека и точно так же приходит к неутешительным выводам.

В завершении параграфа подчеркивается, что для Толстого и Тrolлопа были одинаково характерны погруженность во внутренний мир героев, стремление сделать логику их поведения основой сюжета, интерес к теме

выбора жизненного пути и преодоления как внешних обстоятельств, так и внутреннего «омертвения».

Четвертый параграф главы **«Традиции английского сенсационного романа в творчестве Л.Н. Толстого»** посвящен вниманию писателя к новому жанру, появившемуся в Великобритании в 1860-е годы. Главная черта сенсационного романа – сочетание двух факторов: семейного хронотопа и скандальных событий, среди которых могли быть убийство, супружеская измена, двоебрачие. В параграфе доказывается, что Толстой осознанно применял «инструментарий» сенсационного романа при создании «Войны и мира» и воплотил одну из распространенных моделей этого жанра в структуре, сюжете и образной системе «Анны Карениной».

Раздел 1.4.1 **«Роман М.Э. Брэддон “Аврора Флойд” и его роль в создании “Войны и мира”»** обращен к творческому диалогу Толстого с «королевой» сенсационного романа – Мэри Элизабет Брэддон. Дневники и письма показывают, что писатель активно интересовался творчеством Брэддон в период работы над первыми частями «Войны и мира», особо выделяя ее роман «Аврора Флойд» (1863). Работая над сложной жанровой конструкцией «Войны и мира», в которой историософские рассуждения должны были уравниваться увлекательным романским сюжетом, Толстой нуждался в примерах того, как создать «интерес сочетания событий» (48, 64). Именно сенсационный роман помог Толстому придать динамику и напряженность сюжету, усложнить образы героев, усилить их психологическую достоверность.

Толстой использует в «Войне и мире» сразу несколько принципов сенсационного романа, отраженных в романах Брэддон. Часть из них он применяет для разработки характеров. Так, в образ Элен Толстой вводит мотив «разгадывания тайны», углубляя тем самым контраст между популярностью героини в свете и ее внутренней пустотой. Присутствует в этом образе и игра со стереотипами, характерная для Брэддон: Толстой так же делает внешне прекрасную, «светлую» героиню абсолютно аморальной. Приемы сенсационного романа дают Толстому возможность подчеркнуть порочную природу семейства Курагиных, которая акцентируется за счет мотивов инцеста и двоебрачия.

Новаторство Брэддон – прежде всего, ее смелая демонстрация страстного, пылкого характера Авроры Флойд во взаимодействии с мужскими персонажами – помогает Толстому и в формировании образа Наташи Ростовской: ее поступки он намеренно делает выходящими за рамки стандартов. Схожи и образы аристократа Бельстрода и князя Болконского:

писатели одинаково показывают, как дворянская гордость героев прикрывает их духовную ограниченность, приверженность стереотипам.

Ситуация соблазнения Наташи Анатолом и ее попытка бежать с ним – наиболее явный сюжетный элемент, который свидетельствует о связи «Войны и мира» с традицией сенсационного романа. Центральное место, которое Толстой отводит этому эпизоду, несопоставимо с замыслом «Авроры Флойд»: Брэддон использует тайное замужество героини лишь как сюжетную завязку, создающую основную интригу. Толстой первым в мировой литературе подробно и психологически достоверно описывает сам процесс соблазнения героини. В сценах увлечения Наташи Анатолом писатель создает плотную чувственную атмосферу «опьянения», использует эротический подтекст в описаниях, усиливая аморальность происходящего мотивом двоебрачия и театральными метафорами.

Писатель с долей самоиронии задействует и другие сюжетные элементы «сенсации» – такова, например, мнимая смерть Андрея Болконского. Таким образом, горячий интерес Толстого к творчеству Брэддон стал одним из важных факторов формирования его романа-эпопеи. Именно благодаря традициям сенсационного романа «Война и мир» остается одним из самых увлекательных произведений мировой литературы.

В разделе 1.4.2 **«“Ист-Линн” миссис Генри Вуд и его отражение в “Анне Карениной”»** исследуется роль английского сенсационного романа в творчестве Толстого 1870-х годов. Предпосылкой для постановки проблемы является факт включения писателем имени миссис Генри Вуд – еще одного знаменитого автора «сенсаций» – в перечень «сочинений, произведших впечатление» (66, 68) на него в этот период, с пометкой «большое» и рядом с именами Элиот и Тrolлопа. Представляется, что произведения Вуд, в частности, ее самый известный роман «Ист-Линн» (1861), сыграли существенную роль при разработке концепции «Анны Карениной». Толстой использует изобретенную английской писательницей модель романа-«палимпсеста», в которой сенсационный сюжет адюльтера и бегства героини из семьи оказывается лишь «верхним слоем» повествования, скрывающим напряженный сюжет о проблемах современной семьи.

Вслед за Вуд Толстой «подрывает» традиционные представления о семье, которая больше не является оплотом благополучия и личного счастья. Как и автор «Ист-Линна», он выстраивает в своем романе сложную систему семейных ролей, каждую из которых с разной степенью успешности пытаются играть три его героини – Долли, Анна и Лидия Ивановна. Он демонстрирует их тщетные попытки найти свое место в жизни и при этом следовать своему подлинному чувству. В итоге Анна и Долли, как и Изабель

в «Ист-Линне», вытесняются с того места, за которое борются. Долли фактически прекращает быть женой Стивы и становится только «доброй матерью». Анна отказывается от ролей жены, матери и даже хозяйки дома, пытаясь стать «товарищем» Вронского, но в финале признает, что не может быть никем, кроме его любовницы. В итоге Анна погибает именно от невозможности играть какую-то настоящую роль – в свете, в семье, в мире.

Комический вариант выбора новой роли представлен в образе Лидии Ивановны. Героиня пытается занять место Анны и быть возлюбленной Каренина, хозяйкой в его доме и воспитательницей его сына. Ее место в романе схоже с ролью Барбары Хейр: обе героини считают своей главной целью составить счастье любимого человека и отвлечь его от воспоминаний о недостойной жене. Однако, будучи успешны в этой роли, они одновременно способствуют гибели главных героинь.

Таким образом, сенсационный роман мог привлечь внимание Толстого еще и в силу того, что в центре его находилась семейная проблематика. Изобретенный миссис Генри Вуд «ролевой» принцип повествования помогает Толстому решить главную проблему его романа «Анна Каренина», связанную с самоопределением человека в мире.

В заключении к параграфу делается вывод о том, что наиболее скандальные фабульные элементы сенсационного романа позволили Толстому выстроить увлекательную интригу и одновременно создать психологически напряженный сюжет, показав острые социальные и нравственные проблемы.

В **выводах к главе 1** подчеркивается, что в 1850–1870-е годы английская литература выполняла ряд важных задач в процессе становления и развития художественного таланта Толстого. Вначале это стимул для его обращения к писательскому труду, затем – ориентир, с которым он сверяется в процессе выработки собственных художественных принципов. Толстому глубоко импонирует дидактичность, моралистичность английской литературы, сосредоточенность писателей на решении этических вопросов. Это вызывает его симпатию не только к Диккенсу, но и к Джордж Элиот, которая уделяла первостепенное внимание духовному развитию своих героев, преодолению ими нравственных кризисов. Одновременно в творчестве Элиот и Тrolлопа Толстой находит поддержку своим художественным решениям в области психологического раскрытия образов. Писатель не остается равнодушен и к появлению скандального жанра сенсационного романа: открытия авторов «сенсации» он активно использует при создании своих произведений. Даже в период писательской зрелости

Толстой продолжает учиться у английских авторов, романы которых неизменно становятся для него творческим «катализатором».

Во второй главе **«Новый герой, трансформация жанра и религиозно-философские приоритеты: диалог с английской литературой в позднем творчестве Л.Н. Толстого»** рассматривается второй этап творческого диалога Толстого с британской словесностью, обусловленный его новыми религиозно-философскими приоритетами.

В параграфе 2.1 **«Английская литература в контексте религиозно-нравственных исканий Л.Н. Толстого в 1880–1900-е годы»** анализируется отношение писателя к английской литературе после духовного переворота. Художественное творчество, в том числе собственное, в это время как будто целиком подчиняется Толстым прагматической задаче – распространению учения Христа. Однако религиозно-этический взгляд на литературу помогает ему совершить качественную переоценку творчества многих писателей. Так, Толстой более пристально присматривается к романам Джордж Элиот: ее роман «Адам Бид» оказывается среди произведений «высшего, ...религиозного искусства» (30, 160). В то же время Толстой теряет интерес к писателям, произведения которых когда-то привлекали его с точки зрения художественного метода, жанровой природы – таким, как Теккереи и Тrollop.

Приоритет духовной проблематики возвращает Толстого к тому, что он особенно ценил в юности, в период не менее мучительных попыток самосовершенствования и поиска нравственной опоры. Это видно по новому витку увлечения писателя романами Диккенса, а также обращению к литературе XVIII века. В сентиментальной чувствительности, любовном отношении Диккенса, Голдсмита и Стерна к человеку Толстой находит утешение и поддержку своим религиозно-философским принципам.

В этот период Толстой также открывает для себя целую плеяду современных английских писательниц, которые не боялись поднимать в своих произведениях острые социальные и религиозные вопросы, – среди них миссис Хамфри Уорд, Фелиция Скин, Эдна Лайэлл. Стимулом для чтения новых английских романов стало создание издательства «Посредник»: Толстой желал познакомить интеллигенцию из народной среды с зарубежной литературой и с этой целью отбирал произведения европейских писателей, организовывал работу над переводом и адаптацией их сочинений.

Не все английские авторы, которых рекомендует Толстой для публикации, являются писателями первого ряда. Однако художественные качества произведений теперь играют для Толстого не столь важную роль по

сравнению с содержащейся в них «божьей правдой» (85, 324). Так, описывая свои впечатления от центральной сцены романа Фелиции Скин «Скрытые глубины», где умирающий брат героини рассказывает о потере веры, писатель замечает: «Несмотря на жалкую слабость этого места, он [роман] мне очень нравится и наводит на важные для меня мысли» (65, 376).

Но наиболее активно Толстой искал единомышленников среди британских авторов религиозных трудов и философской публицистики. Этот процесс знакомства и восприятия чужой мысли становится теперь взаимным: труды Толстого на рубеже веков хорошо известны в Англии, в том числе благодаря издательской деятельности В.Г. Черткова. Наиболее ярким примером является история знакомства и многолетнего сотрудничества с английским публицистом Джоном Кенворти: он посылает Толстому экземпляр своей книги «Анатомия нищеты», в предисловии к которой ссылается на его учение, вследствие чего между авторами завязывается активная переписка. Позднее английский публицист организует на родине одну из первых толстовских общин.

Расширение контекста взаимодействия Толстого с английской культурой вначале почти не отражается в его художественном творчестве. Однако в 1890-е годы писатель создает два произведения, которые отчетливо демонстрируют обращение к традициям английской литературы. Это повесть «Отец Сергей» и роман «Воскресение». Они и становятся материалом параграфа 2.2 **«Возвращение к Джордж Элиот: жанрово-эстетические и этико-философские традиции произведений английской писательницы в художественном творчестве Л.Н. Толстого в 1880–1890-е годы».**

В параграфе показано, что «религия гуманизма» Элиот, раскрывающаяся в ее публицистике и художественных произведениях, может быть прямо соотнесена с религиозными взглядами и нравственной философией Толстого. Известно, что Элиот отрицала любые организованные формы религии и вслед за Фейербахом полагала, что суть христианства является антропологической. Нравственные убеждения писательницы, ее понимание религии через идею «симпатии» – гуманного, сострадательного отношения людей друг к другу – оказались чрезвычайно близки Толстому. Это и обусловило поразительную общность их художественного воплощения в творчестве Элиот и поздних произведениях русского писателя.

Параграф состоит из двух разделов. В разделе 2.2.1 **«“Исповедь Дженет” Джордж Элиот и “Отец Сергей” Л.Н. Толстого: сострадание вместо поучения»** анализируется внимание Толстого к раннему циклу повестей Элиот «Сцены из клерикальной жизни» (1857). Писатель впервые познакомился с ним еще в 1859 году и горячо рекомендовал А.А. Толстой

повесть «Исповедь Дженет»: «Вот и нравственная и религиозная книга, но которая мне очень понравилась и сделала сильное впечатление» (60, 300).

В повести в концентрированном виде дана одна из ключевых идей всего творчества Элиот: исправление и спасение через человеческое участие, сострадание и сочувствие (*sympathy*). Эта же идея становится основой повести «Отец Сергей», над которой Толстой с перерывами работал в 1890–1891 и 1898 годах. Хотя образ центрального героя и его духовной эволюции достаточно типичен для Толстого, в «Отце Сергии» он впервые обращается к изображению священнослужителя. Восторженные отзывы Толстого об «Исповеди Дженет» позволяют предположить, что повесть Элиот могла стать одним из творческих ориентиров для писателя, что проявляется в близости принципов сюжетостроения, особенностей поэтики и ключевых авторских идей.

Повесть Элиот посвящена судьбе двух героев – священника Эдгара Триана и его прихожанки, молодой женщины Дженет Демпстер, страдающей от жестокости своего мужа. Замысел «Отца Сергия» точно так же с самого начала предполагал столкновение двух характеров – самого Сергия и Пашеньки – женщины простой, кроткой, недалекой, но чувствительной к бедам близких людей.

В кульминационной сцене «Отца Сергия» Толстой вслед за Элиот использует прием «двойной», или «обратной», исповеди. В обоих случаях священнослужитель признается в грехах гораздо более тяжких, чем у его прихожанки, а герои оказываются спасены благодаря человеческому участию, глубокому искреннему сочувствию своего собеседника. Сам «сценарий» этой беседы, а также сопровождающие ее психологические детали имеют значительную близость в обеих повестях.

История жизни Эдгара Триана также содержит прямые параллели с жизнеописанием князя Степана Касатского: и Элиот, и Толстой одинаково изображают священника неидеального, полного сомнений и противоречий. В молодости оба героя принадлежали к высшему обществу, вели суетную и бездуховную жизнь и к своему духовному поприщу пришли после сильного морального потрясения.

Неслучайным в свете творческого диалога с Элиот видится и жанр, выбранный Толстым: это повесть с чертами романизации, в которой драматическое начало соседствует с эпическими элементами. Близость двух произведений показывает, что Толстой в поздний период своего творчества активно использует художественные средства воплощения «религии гуманизма» Элиот.

В разделе 2.2.2 «Пасторальные традиции в романе Джордж Элиот «Адам Бид» и «Воскресении» Л.Н. Толстого» показано, что в своем последнем романе Толстой выбирает более сложную форму для реализации сюжета о духовном перерождении героя: он трансформирует романский канон, включая в него черты сатирического памфлета и сразу нескольких жанровых модификаций пасторали. Пасторальное начало присутствует во многих произведениях английской литературы, но наиболее ярким примером такого жанрового синтеза является роман Элиот «Адам Бид» (1859), который Толстой впервые читает в оригинале в том же 1859 году. Высокая оценка романа в трактате «Что такое искусство?» (1897–1898), как раз в период работы над «Воскресением», не оставляет сомнений в том, что писатель осознанно использует опыт Элиот, соединяя в романе пасторальные и анти-пасторальные мотивы.

Первый роман Джордж Элиот вбирает в себя признаки практически всех жанровых модификаций пасторали – буколики, георгики, поэмы о сельской усадьбе. Схожие жанровые черты можно обнаружить и в воспоминаниях Нехлюдова. Образы Хетти Соррел и Катюши Масловой также имеют значительное сходство: оба автора подчеркивают живую, природную и в то же время чрезвычайно чувственную красоту главных героинь, делая их центром столкновения пасторальных и анти-пасторальных мотивов.

Вторая часть романа «Адам Бид» словно переворачивает идиллические основы мироздания: пасторальная героиня оказывается убийцей своего ребенка; молодой сквайр – негодяем, обесчестившим честных фермеров. В «Воскресении» присутствует тот же контраст между пасторальной картиной воспоминаний Нехлюдова и прозаическим описанием дальнейшей судьбы Катюши. Осмысление социальной действительности также сближает романы Элиот и Толстого: изображая тюрьму и судебный процесс, оба автора делают акцент на бесчеловечности, неестественности происходящего.

Как и Элиот, Толстой в «Воскресении» стремится показать противоречие между истинным и ложным, духовными ценностями и эгоистическим, животным началом в человеке – и в этом смысле пасторальное начало не только сильнее обнажает уродства социальной реальности, но и служит напоминанием об идиллическом «золотом веке», на возрождение которого надеются оба писателя. На протяжении всего повествования Нехлюдов трудится (мотив «дела» постоянно сопровождает его после нравственного потрясения в суде) для того, чтобы вернуть свое идеальное прошлое. Роман о воскресении становится фактически романом о возвращении к изначальной нравственности человека и гармонии мира в

юности. И только в свете этой идеи возвращения, по контрасту с ней, становится возможно гротесковое изображение всех социальных институтов.

Таким образом, повторное обращение Толстого к Джордж Элиот, перечитывание и переосмысление ее произведений помогло писателю и в его возвращении к жанру романа. Толстой, как и Элиот, убежден в возможности нравственного возрождения людей, «воскресения» человека благодаря христианским ценностям. Эта живая переключка основных нравственно-философских идей и жанрово-эстетических открытий двух писателей наиболее прозрачно подтверждает глубокую творческую близость Толстому произведений Джордж Элиот.

В параграфе 2.3 **«Репрезентация образа священнослужителя в творчестве Л.Н. Толстого и его современников: английский литературный и социокультурный контекст»** показано, что в поиске героя-идеолога, носителя христианских ценностей Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, А.П. Чехов, как и Толстой, прямо или опосредованно использовали традиции, накопленные в английской литературе. Вслед за британскими авторами они стремились совместить в герое-священнике человеческую простоту с высокими нравственными идеалами.

Проблема репрезентации образа священнослужителя в творчестве русских писателей раскрывается еще и через обращение к социокультурному контексту. Очевидно, что священнослужитель – маргинальный герой в русской литературе: большинству писателей так и не удалось написать ни одного произведения о представителе белого духовенства. Причиной тому была искусственно созданная при Петре I изолированность этого сословия и его унижительная зависимость как от дворян, так и от крестьян. Структура английского общества была кардинально иной, и жизнь священнослужителей являлась интересным и легкодоступным материалом для художественного изображения. Вследствие этого русские писатели ориентировались не на эмпирический опыт общения с духовными лицами, а на традиции английской литературы, где герой-священнослужитель был неотъемлемой частью любого сюжета.

Параграф состоит из четырех разделов. В разделе 2.3.1 **«Герой-проповедник в творчестве Л.Н. Толстого и Джордж Элиот»** анализируется тип героя-проповедника, формирующийся в позднем творчестве Толстого. Возникает он в контексте явного интереса писателя к образам священнослужителей: черновые наброски свидетельствуют о том, что в 1900-е годы Толстой несколько раз принимался за создание произведений, в центре которых был герой из духовенства («Отец Василий», «Иеромонах Илиодор»). Однако только в «Воскресении» Толстому удалось сформировать

образ героя-проповедника, функционально близкий типу священнослужителя.

Этот образ включает несколько ключевых характеристик. Проповедуя, по сути, евангельские истины, герой Толстого не принадлежит ни к официальной Церкви, ни к одной из конфессий. Он не ведет открытой пропаганды своих взглядов, но доказывает свою правоту поступками и всей жизнью – делом, а не словом. Он радикально отказывается от земных благ, имущества, комфортных условий жизни и сознательно интегрируется в народную жизнь, максимально сближаясь с простыми людьми, забота о которых становится его главным делом. Наконец, пройдя путь раскаяния в прошлых грехах, он вырабатывает в себе умение прощать и милосердие к людям.

Очевидно, что все эти черты присутствуют и в образах Джордж Элиот: Феликса Холта, который ставит перед собой цель улучшить жизнь простого народа и «перевоспитывает» тщеславную Эсфирь; евангелического проповедника Эдгара Триана, спасающего Дженет от отчаяния и порочного пристрастия к вину; молодой методистки Дины Моррис из романа «Адам Бид», которая приходит в тюрьму к Хетти и своим глубоким состраданием побуждает героиню раскаться в совершенном преступлении.

Таким образом, авторский вариант проповедничества Элиот, интерес к которому Толстой проявлял на протяжении всей жизни, становится для писателя своеобразным ориентиром, помогая создать новый тип героя в романе «Воскресение».

В разделе 2.3.2 **«Священнослужение в миру: новый герой последних романов Ф.М. Достоевского и Джордж Элиот»** предпринимается попытка доказать, что в своих последних романах – «Братья Карамазовы» (1879–1880) и «Дэниел Деронда» (1876–1877) – Достоевский и Элиот создают особый тип героя, концентрируя в нем главные идеи своего творчества.

Исследование носит сравнительно-типологический характер: прямых свидетельств знакомства Достоевского с творчеством Элиот не обнаружено. Однако с учетом пристального внимания русского писателя к современной ему периодике кажется невероятным, чтобы он прошел мимо переводов произведений Элиот. Замысел «Братьев Карамазовых» возникает у Достоевского как раз в течение 1876–1877 годов, когда в России публиковались переводы «Дэниела Деронды».

Для обоих писателей эти романы станут итогом творчества, что ощущается в их идейно-образной структуре: и Элиот, и Достоевский стремятся с максимальной полнотой выразить свои концепции человека и мироустройства. Алеша Карамазов и Дэниел Деронда – герои своего времени

с великими помыслами и жаждой «подвига» – одинаково берут на себя функцию духовников, умеющих услышать и понять окружающих. Не будучи священниками по своему статусу, оба осуществляют, по сути, священнослужение в миру, которое и становится их главной жизненной миссией.

Так, схожим оказывается сильное нравственное воздействие Алеши и Деронды на героинь – Грушеньку и Гвендолен. Почти с первой встречи обе начинают остро нуждаться в участии и наставлении героев. В сценах двух «исповедей» глубину душевного потрясения Грушеньки и Гвендолен и их отношение к своим «духовникам» выдает одинаковое желание героинь встать на колени перед ними.

Планируемая деятельность и Деронды, и Алеши в будущем представляет в обоих романах неопределенный сплав политических и духовных задач. Такой выбор пути был обусловлен еще и сходством религиозно-философских взглядов Элиот и Достоевского: известно, что оба писателя критично относились к официальной церкви, но при этом сущность их нравственной философии была глубоко христианской. Кроме того, оба автора одинаково редко изображают служителей официальной Церкви: Элиот предпочитает проповедников протестантских общин – методистов, евангелистов, индипендентов; Достоевский – национальных носителей духовных истин: юродивых, странников, богомольцев.

Проведенное исследование позволяет заявить о близости концепций человека и мира Достоевского и Элиот, об общем поиске героя, который сумел бы нести христианские истины людям и претворять в жизнь авторские идеалы «симпатии» и братства.

Раздел 2.3.3 «Сатира и драма: традиции английской прозы о жизни священнослужителей в творчестве Н.С. Лескова» посвящен творчеству русского классика, уделившего значительное место в своих произведениях изображению жизни и духовного облика православного священника. Лесков первым сделал священнослужителя ключевым образом большого эпического полотна. Что еще более важно, он первым изобразил представителя духовного сословия как человека мыслящего, чувствующего и страдающего.

В поисках способов художественного воплощения своей концепции Лесков нашел «единомышленников» в английской литературе, где к концу 1850-х годов сформировалась традиция «человеческого» изображения священнослужителей. Упоминания имен Тrolлопа и Элиот в произведениях, статьях и письмах Лескова позволяют с уверенностью говорить о знакомстве писателя с их творчеством. Доказательством активного использования Лесковым английского литературного контекста может служить и его особое

отношение к Англии: многие исследователи говорят об «англофильстве» писателя.

Раздел, посвященный Лескову, состоит из двух подразделов. В первом подразделе 2.3.3.1 **«“Мелочи архиерейской жизни” Н.С. Лескова: синтез традиций “клерикальных” циклов Джордж Элиот и Энтони Тrolлопа»** вопрос об использовании английской традиции рассматривается на материале позднего цикла очерков Лескова «Мелочи архиерейской жизни» (1887).

Введение его в английский литературный контекст позволяет по-другому взглянуть как на поэтику, так и на авторский пафос «Мелочей...», которые ранее воспринимались исключительно как насмешка над русским духовенством. Лесков представляет здесь жизнь священнослужителей в полном соответствии с традицией английского реалистического романа второй половины XIX века, который сочетает в себе тонкую сатиру с психологическим проникновением в суть человеческих поступков. А главное – как и в романах Элиот и Тrolлопа, представители духовенства в «Мелочах...» глубоко интегрированы в жизнь социума и показаны исключительно с неритуальной, обыденной, бытовой точки зрения – как обычные люди со своими слабостями, достоинствами и недостатками.

Анализ произведений показывает, что в своих очерках Лесков соединяет сатирико-психологическую традицию «Барсетширских хроник» Тrolлопа с психолого-драматической традицией «Сцен из клерикальной жизни» Джордж Элиот. Вслед за Тrolлопом русский писатель активно пользуется приемами иронического и сатирического изображения своих героев. Епископы под пером обоих авторов приобретают черты почти басенных персонажей. И Лесков, и Тrolлоп раскрывают характеры своих героев-священников исключительно «в миру», в соприкосновении с жизнью людей, не принадлежащих к клиру.

При этом русский писатель проявляет неподдельное сочувствие к священнику как человеку, показывая его страдания, несвободу и духовное одиночество. Неслучайно за рассказами о грубых, вспыльчивых и суровых архиереях следуют описания владык тихих, добрых и простых. Такой замысел «Мелочей...» сближает цикл Лескова с авторским пафосом «Сцен из клерикальной жизни» Элиот (само название может быть сопоставимо с заголовком лесковского цикла очерков). В «Сценах...» Элиот показывает судьбы трех священнослужителей, каждая из которых по-своему драматична. Все трое несут бремя одиночества и непонимания, бедны, искренне отдают себя служению церкви. Характерно, что повести Элиот также отличает

очерковый стиль повествования, включающий множество авторских рассуждений.

Открытия, сделанные Джордж Элиот и Энтони Троллопом, помогли Лескову показать новый для русской словесности образ священнослужителя, с его страданиями и одиночеством, милыми странностями и чудачествами, но главное – с его болью за собственную отчужденность и «ненужность» русскому обществу. Активно пользуясь поэтическим инструментарием англичан для сатирического и драматического изображения человека, обнажая неприглядные стороны «клировой жизни», Лесков стремится вернуть священнослужителям уважение, почет и понимание со стороны прихожан, наладить свободный диалог между духовенством и обществом.

Во втором подразделе 2.3.3.2 **«“Изнемогший в бою русский витязь”: образ священнослужителя в романе-хронике Н.С. Лескова “Соборяне” в контексте традиций Джордж Элиот»** исследуется вопрос о схожей концепции героя-священнослужителя в «Соборянях» (1872) и «Сценах из клерикальной жизни». Писатель мог быть знаком с циклом повестей Элиот, которые в переводе были по отдельности опубликованы в журналах «Современник» и «Русский вестник» в 1860 году.

Значимость вопроса об английской традиции в «Соборянях» определяется, прежде всего, фигурой главного героя романа-хроники: служитель Церкви становится средоточием духовного начала и героического потенциала в обществе. В рядовом провинциальном священнике Лесков видит главного защитника тех идеалов, на которых основана жизнь русского человека и российского государства. Именно поэтому с ключевыми образами «Соборян», и, прежде всего, Савелия Туберозова, тесно связан проходящий через все повествование мотив борьбы.

Схожую концепцию Лесков мог обнаружить в «Сценах из клерикальной жизни» Элиот: тяготы жизни простых священнослужителей изображаются писательницей наравне с искренним рвением героев усовершенствовать дела Церкви, улучшить жизнь прихожан, внушить им высокие нравственные истины. Непонимание и нелюбовь со стороны паствы, сложные отношения с церковным руководством, личные трудности – все эти сюжетные элементы «Сцен» указывают на то, что Элиот также осуществляет последовательную героизацию обычного провинциального пастора, делая его борцом за высшие идеалы.

Представляется, что тема борьбы, которая наиболее очевидна в первой и третьей повестях цикла Элиот, могла оказать влияние на формирование концепции священника-воина, воплощенной в «Соборянях». Это подтверждает сравнительно-типологический анализ произведений: и в

«Сценах» Элиот, и в романе-хронике Лескова герои-священнослужители вынуждены противостоять враждебным обстоятельствам и ценою постоянных лишений и тяжелых потерь биться за спасение всего, что им дорого: семьи и близких, веры и идеалов, собственной души и в конечном счете – Отчизны.

Типологическое сравнение «Соборян» со «Сценами из клерикальной жизни» дает представление о существовании схожих социокультурных особенностей в жизни духовенства России и Англии и об общей проблематике, занимавшей в этот период двух писателей-современников, оказавших существенное влияние на национальную и европейскую литературу.

Завершает параграф раздел 2.3.4 **«Духовенство в прозе А.П. Чехова как отголосок диалога Н.С. Лескова с англичанами»**. Исследование репрезентации образов священнослужителей в рассказах Чехова позволяет говорить о наличии принципиальных типологических схождений между творчеством Чехова и английских писателей XIX века – прежде всего, Джордж Элиот. Важным является тот факт, что освоение Чеховым английских литературных традиций было опосредовано наследием русских писателей. Определяющее место здесь занимает творчество Н.С. Лескова.

Чехов во многом продолжает традиции Лескова: стремится показать правду жизни, отстаивает свободу выражения, находится вне любых идеологических течений. Будучи внимательным читателем «клерикальной» прозы Лескова, Чехов не мог не обратить внимания на его новаторски смелую манеру изображения священнослужителей, корни которой уходят в прозу Тrolлопа и Элиот.

Служители церкви фигурируют в рассказах Чехова достаточно часто, но наиболее репрезентативны «Панихида» (1886), «Кошмар» (1886), «Святою ночью» (1886), «Письмо» (1887), «Архиерей» (1902) и повесть «Дуэль» (1891). В описании священников Чехова слышится тот же добрый юмор, что характерен и для произведений Лескова и Элиот, и одновременно – то же глубокое сочувствие духовным лицам, которое, безусловно, берет начало у его предшественников.

Весьма схожи у всех трех писателей и акценты, расставленные при характеристике их лучших героев-священнослужителей. Вслед за Элиот Лесков и Чехов показывают пример того, как истинный духовный пастырь способен внушить любовь и уважение к себе не требовательностью и строгим соблюдением церковных обрядов, но способностью разглядеть в каждом из мирян человека и отнестись к нему с душой и чисто евангельским милосердием. Все три писателя указывают и на проблему духовного

одинокости священника в малообразованной провинциальной среде, часто сопряженного с тяжелым материальным положением. Неприкрытая правда жизни характерна для творчества всех исследуемых авторов, но Чехов, писатель рубежа веков, первым вносит в изображение жизни священнослужителей оттенок трагизма. Эта интерпретация темы, особенно очевидная в рассказе «Архиерей», отзовется в произведениях писателей начала XX века – прежде всего, в «Жизни Василия Фивейского» Л. Андреева.

Таким образом, исследование образов священнослужителей в творчестве Чехова позволяет говорить о развитии писателем английской традиции, обусловленном интересом Чехова к прозе Лескова и типологической близостью концепции священнослужителя как человека, подлинно нравственной личности, свободной от догматизма, в творчестве Джордж Элиот, Н.С. Лескова и А.П. Чехова.

В финале параграфа 2.3 указывается, что анализ репрезентации образов священнослужителей дает не только более «объемное» представление о процессе взаимодействия Толстого с творчеством английских писателей, но и позволяет по-новому взглянуть на литературный процесс в России второй половины XIX века. На примере тематики, которая не являлась магистральной для русских писателей, отчетливо виден процесс выработки новых художественных форм и создания нового типа героя в отечественной словесности. Становление психологического реализма активно смещало акценты с социального на личностное, но именно обращение к образам духовенства демонстрирует, сколь сильна была потребность русской литературы в появлении героя, который сочетал бы в себе горячую приверженность христианским ценностям с подлинно человеческим отношением к людям.

В выводах к главе 2 подчеркивается, что духовный переворот не снижает роли английской литературы и культуры в художественном творчестве Толстого. Многочисленные литературные «рейтинги», которые составляются писателем в поздний период, показывают неизменность его симпатий и даже большую актуализацию для Толстого тех авторов, которые восхищали его в молодости, – прежде всего, Диккенса и Голдсмита, а также Джордж Элиот, религиозно-этические убеждения которой оказываются необыкновенно близки Толстому в это время. Английская литература помогает писателю и в разработке нового типа героя, и в трансформации жанрового канона. В произведениях английских авторов, в том числе и не самых известных, Толстой обнаруживает близость своим религиозным взглядам – пафос милосердия, сострадания, соучастия и, в целом, человеческое измерение религиозности.

Это «созвучие» с английской литературой проявляется и при обращении к образам священнослужителей в творчестве других крупнейших русских писателей. Толстой, Лесков, Достоевский и Чехов точно так же, как Элиот и Тrollop, стремятся совместить в герое-священнике человеческую простоту с высокими нравственными идеалами, и в этом проявляется одна из самых гуманистических тенденций мировой художественной культуры.

В заключении подводятся итоги исследования, делается вывод о том, что смелое обращение Толстого с литературным каноном базировалось на глубоком знании писателем путей развития мировой литературы, ее истоков и современных тенденций. Мировая литература являлась для писателя и способом самопознания, и одновременно «учебником» художественного мастерства, «зеркалом», только заглядывая в которое Толстой мог прокладывать свой собственный творческий путь. Все эти факторы обусловили обращение к проблеме творческого диалога писателя с английской литературой, которая с самого начала занимала особое место в круге чтения Толстого. Во многом это было обусловлено ее принципиальной дидактичностью, этическим пафосом, столь важным для писателя. С другой стороны, именно в английской литературе в середине века наиболее активно происходил процесс психологизации прозы, концентрации авторов на мотивах человеческих поступков, на проблеме нравственного выбора.

Из английских писателей XIX века наиболее близки Толстому оказались Джордж Элиот и Энтони Тrollop – авторы, в чьем творчестве психологический метод раскрытия характеров становится приоритетным, и именно движение характера начинает определять сюжетное действие. После духовного переворота творческий диалог Толстого с английской литературой выходит на новый уровень: его результатом является появление в поздних произведениях нового типа героя-проповедника. Исследование показало, что этот процесс был характерен и для других русских писателей. Это доказывает, что обращение Толстого к английской литературе было явлением закономерным, и переклички с идеями и образами британских авторов в его творчестве определялись самой эпохой и общими путями развития европейского реализма.

В заключении намечены и перспективы исследования, связанные с изучением творческого диалога Толстого с авторами других стран и культур, в том числе на основе апробированной в исследовании методологии. Это позволит не только углубить представления о формировании эстетических принципов и генезисе произведений самого писателя, но поможет лучше понять основные художественные закономерности творчества русских и зарубежных авторов второй половины XIX века и будет способствовать

обогащению картины русского историко-литературного процесса 1850–1910-х годов в его эстетических, жанровых и биографических аспектах.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Гнюсова И. Ф.** Джордж Элиот и Л. Н. Толстой (пасторальные традиции в романах «Адам Бид» и «Воскресение») / И. Ф. Гнюсова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 356. – С. 15–22. – 1.17 а.л.

Web of Science: Gnyusova I. F. George Eliot and Leo Tolstoy (pastoral traditions in *Adam Bede* and *Resurrection*) / I. F. Gnyusova // Tomsk State University Journal. – 2012. – № 356. – P. 15–22.

2. **Гнюсова И. Ф.** Совершенствующаяся героиня в творчестве Джордж Элиот и Л. Н. Толстого / И. Ф. Гнюсова // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 369. – С. 17–24. – 1.11 а.л.

Web of Science: Gnyusova I. F. Perfecting female character in George Eliot's and Leo Tolstoy's works / I. F. Gnyusova // Tomsk State University Journal. – 2013. – № 369. – P. 17–24.

3. **Гнюсова И. Ф.** «Исповедь Джэнет» Джордж Элиот и «Отец Сергей» Л. Н. Толстого: сострадание вместо поучения / И. Ф. Гнюсова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – № 1 (25). – С. 81–90. – 1.05 а.л.

4. **Гнюсова И. Ф.** Герой-проповедник в творчестве Л. Н. Толстого и Дж. Элиот / И. Ф. Гнюсова // Проблемы исторической поэтики. – 2014. – № 12. – С. 399–415. – DOI: 10.15393/j9.art.2014.754. – 0.84 а.л.

5. **Гнюсова И. Ф.** «Утешаюсь, что у него свое, а у меня свое»: творческий диалог Л. Н. Толстого с Э. Тrolлопом / И. Ф. Гнюсова // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 15–21. – DOI: 10.17223/15617793/389/2. – 0.76 а.л.

Web of Science: Gnyusova I. F. «I console myself that he has his own, and I have mine»: Leo Tolstoy's creative dialogue with Anthony Trollope / I. F. Gnyusova // Tomsk State University Journal. – 2014. – № 389. – P. 15–21.

6. **Гнюсова И. Ф.** «Мелочи архиерейской жизни» Н. С. Лескова в контексте английской прозы о жизни священнослужителей (Дж. Элиот и

Э. Треллоп) / И. Ф. Гнусова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2015. – № 1 (29). – С. 98–107. – 1.17 а.л.

7. **Гнусова И. Ф.** «Изнемогший в бою русский витязь»: образ священнослужителя в романе-хронике Н. С. Лескова «Соборяне» в контексте традиций английской литературы («Сцены из клерикальной жизни» Джордж Элиот) / И. Ф. Гнусова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 393. – С. 5–13. – DOI: 10.17223/15617793/393/1. – 1.07 а.л.

Web of Science: Gnyusova I. F. “Russian knight, beaten out in battle”: character of clergyman in N. S. Leskov’s novel chronicle *The cathedral clergy* in the context of English literature traditions (George Eliot’s *Scenes of clerical life*) / I. F. Gnyusova // Tomsk State University Journal. – 2015. – № 393. – P. 5–13.

8. **Гнусова И. Ф.** Образ священнослужителя в прозе А. П. Чехова в контексте русской и английской традиции (Н. С. Лесков и Дж. Элиот) / И. Ф. Гнусова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 401. – С. 34–42. – DOI: 10.17223/15617793/401/5. – 0.98 а.л.

Web of Science: Gnyusova I. F. The character of the clergyman in A. P. Chekhov’s prose in the context of Russian and English literature tradition (N. S. Leskov and George Eliot) / I. F. Gnyusova // Tomsk State University Journal. – 2015. – № 401. – P. 34–42.

9. **Гнусова И. Ф.** Священнослужение в миру: главный герой в романах «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и «Дэниел Деронда» Джордж Элиот / И. Ф. Гнусова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – № 2 (34). – С. 83–93. – 1.19 а.л.

10. **Гнусова И. Ф.** Современные издания произведений Джордж Элиот / И. Ф. Гнусова // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2018. – № 17. – С. 102–112. – DOI: 10.17223/23062061/17/8. – 0.36 а.л.

Web of Science: Gnyusova I. F. The modern editions of George Eliot’s works / I. F. Gnyusova // Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing. – 2018. – № 17. – P. 102–112.

11. **Гнусова И. Ф.** «Ионыч» А. П. Чехова и «Мидлмарч» Дж. Элиот: судьба человека в «опустошающей душу житейской трясине» / И. Ф. Гнусова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 56. – С. 187–202. – DOI: 10.17223/19986645/56/10. – 0.77 а.л.

Web of Science: Gnyusova I. F. Anton Chekhov’s *Ionych* and George Eliot’s *Middlemarch*: The fate of man in a «soul-wasting struggle with worldly annoyances» / I. F. Gnyusova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. – 2018. – № 56. – P. 187–202.

12. **Гнюсова И. Ф.** Две Долли: отклик на роман Джордж Элиот «Сайлес Марнер» в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого / И. Ф. Гнюсова // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 427. – С. 17–23. – DOI: 10.17223/15617793/427/2. – 0.8 а.л.

Web of Science: Gnyusova I. F. Two Dollies: The response to George Eliot's Silas Marner in Leo Tolstoy's Anna Karenina / I. F. Gnyusova // Tomsk State University Journal. – 2018. – № 427. – P. 17–23.

13. **Гнюсова И. Ф.** «Некрещеный поп» и «Булгамптонский викарий»: отзвуки романа Э. Тrolлопа в повести Н. С. Лескова / И. Ф. Гнюсова // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 448. – С. 24–29. – DOI: 10.17223/15617793/448/3. – 0.68 а.л.

Web of Science: Gnyusova I. F. The Unbaptized Pope and The Vicar of Bullhampton: A response to Anthony Trollope's novel in Nikolay Leskov's story / I. F. Gnyusova // Tomsk State University Journal. – 2019. – № 448. – P. 24–29.

14. **Гнюсова И. Ф.** Между смирением и страстью: «Мельница на Флоссе» Джордж Элиот и «Война и мир» Л. Н. Толстого (по материалам яснополянской библиотеки) / И. Ф. Гнюсова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 64. – С. 120–144. – DOI: 10.17223/19986645/64/9. – 1.67 а.л.

Web of Science: Gnyusova I. F. Between humility and passion: George Eliot's The Mill on the Floss and Leo Tolstoy's War and Peace (based on materials from the Yasnaya Polyana library) / I. F. Gnyusova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. – 2020. – № 64. – P. 120–144.

15. **Гнюсова И. Ф.** «Зараженное семейство» Л. Н. Толстого и «Ромола» Джордж Элиот: два ответа на «женский вопрос» / И. Ф. Гнюсова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2022. – № 76. – С. 264–281. – DOI: 10.17223/19986645/76/12. – 1.1 а.л.

Web of Science: Gnyusova I. F. Leo Tolstoy's The Infected Family and George Eliot's Romola: Two answers to the «woman's question» / I. F. Gnyusova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. – 2022. – № 76. – P. 264–281.

16. **Гнюсова И. Ф.** «Убивающее мастерство»: роман Э. Тrolлопа «Бертрамы» в оценке Л. Н. Толстого / И. Ф. Гнюсова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2023. – № 82. – С. 271–287. – DOI: 10.17223/19986645/82/12. – 1.09 а.л.

Web of Science: Gnyusova I. F. «A killing excellence»: Anthony Trollope's The Bertrams in Leo Tolstoy's evaluation / I. F. Gnyusova // Vestnik Tomskogo

gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. – 2024. – № 82. – Р. 271–287.

17. **Гнюсова И. Ф.** Образ государственного человека в романах Л. Н. Толстого и Э. Троллопа (Алексей Каренин и Плантагенет Паллизер) / И. Ф. Гнюсова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2024. – Т. 16. – Вып. 4. – С. 114–124. – DOI: 10.17072/2073-6681-2024-4-114-124. – 1.04 а.л.

18. **Гнюсова И. Ф.** Л. Н. Толстой и английская литература: предыстория творческого диалога / И. Ф. Гнюсова // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 505. – С. 5–17. – DOI: 10.17223/15617793/505/1. – 1.67 а.л.

Web of Science: **Gnyusova I. F.** Leo Tolstoy and English literature: The background of creative dialogue / I. F. Gnyusova // Tomsk State University Journal. – 2024. – № 505. – Р. 5–17.

19. **Гнюсова И. Ф.** Традиции английского сенсационного романа в творчестве Л. Н. Толстого. Статья 1. Роман М. Э. Брэддон «Аврора Флойд» и его роль в создании «Войны и мира» / И. Ф. Гнюсова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2024. – № 90. – С. 207–231. – DOI: 10.17223/19986645/90/10. – 1.58 а.л.

Web of Science: **Gnyusova I. F.** Traditions of the English sensation novel in Leo Tolstoy's works. Article One. Mary Elizabeth Braddon's *Aurora Floyd* and its role in the creation of War and Peace / I. F. Gnyusova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. – 2024. – № 90. – Р. 207–231.

20. **Гнюсова И. Ф.** Традиции английского сенсационного романа в творчестве Л. Н. Толстого. Статья 2. «Ист-Линн» миссис Генри Вуд и его отражение в «Анне Карениной» / И. Ф. Гнюсова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2024. – № 91. – С. 198–222. – DOI: 10.17223/19986645/91/10. – 1.59 а.л.

Web of Science: **Gnyusova I. F.** Traditions of the English sensation novel in Leo Tolstoy's works. Article Two: Mrs. Henry Wood's *East Lynne* and its reflection in *Anna Karenina* / I. F. Gnyusova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. – 2024. – № 91. – Р. 198–222.

Монография:

21. **Гнюсова И. Ф.** Репрезентация образа священнослужителя в русской и английской литературе XIX в. : монография / И. Ф. Гнюсова. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – 142 с. – 6.82 а.л.

Статьи в прочих научных изданиях:

22. **Гнюсова И. Ф.** Лев Толстой и Джордж Элиот / И. Ф. Гнюсова // Лицей на Пушкинской. – Тула, 2010–2011. – № 26. – С. 168–170. – 0.3 а.л.

23. **Гнюсова И. Ф.** Традиции пасторали в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» / И. Ф. Гнюсова // Эпические жанры в литературном процессе XVIII–XXI вв.: забытое и «второстепенное» : материалы международной научной конференции VII Майминские чтения. Псков, 05–09 октября 2011 г. – Псков, 2011. – Т. 1. – С. 180–189. – 0.6 а.л.

24. **Гнюсова И. Ф.** Тюремный финал пасторального сюжета: традиции английского романа в «Воскресении» Л. Н. Толстого / И. Ф. Гнюсова // Лев Толстой и мировая литература : материалы VIII Международной научной конференции. Ясная Поляна, 12–14 августа 2012 г. – Тула, 2014. – С. 173–181. – 0.5 а.л.

25. **Гнюсова И. Ф.** «Душа трепещет и горит, и слово падает из уст, как уголь горящий»: экстаз истинного священнослужения в творчестве Н. С. Лескова и Джордж Элиот / И. Ф. Гнюсова // Все восторги мира: экстаз в литературе и искусстве : сборник статей. – Санкт-Петербург, Тверь, 2015. – С. 135–142. – 0.38 а.л.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано на участке цифровой печати
Издательства Томского государственного университета
Заказ № 7761 от «17» апреля 2025 г. Тираж 100 экз.
г. Томск, Московский тр. 8, тел. (3822) 53-15-28
publish.tsu.ru